

почти указываютъ намъ, какой политики намъ слѣдуетъ держаться. Большая Гиндукушская цѣпь тянется съ востока на западъ, недалеко за нашими индѣйскими владѣніями, и составляетъ истинную грань между нами и Среднею Азією. Въ же горы, о которыхъ мы сейчасъ говорили, ни что иное, какъ южные отроги этой природной преграды изъ вѣчныхъ снѣговъ, такъ что народы Бонера, Суата, Баджура и проч., даже самого Афганистана, суть наши природные союзники и охранители настоящей нашей оборонительной линіи. Если мы захотимъ исправить нашу нынѣшнюю границу завоеваніями, то это поведетъ только къ безконечной и утомительной войнѣ въ непроходимой странѣ, тогда какъ искусною и послѣдовательною политикою мы могли бы заручиться не только всѣми выгодами сильной границы, но и храбрыми защитниками. Опытъ, приобретенный въ послѣднюю персидскую войну въ 1856—1857 годахъ, доказываетъ, что это не пустая фантазія. Въ то время персидскій шахъ владѣлъ Гератомъ, и, желая прогнать его отсюда, мы заключили договоръ съ Достъ-Мохамедомъ, давали ему до 10,000 ф. стерл. субсидіи ежемесячно, пока продолжалась война, дали ему много тысячъ ружей — и добились своей цѣли. Если такимъ простымъ средствомъ, какъ выдача временной субсидіи, въ критическую минуту, можно было купить поддержку такого правителя, который по прежнимъ опытамъ едва ли могъ относиться къ намъ дружелюбно, то какъ не надѣяться, что послѣдовательнымъ, примирительнымъ образомъ дѣйствій, мы достигнемъ гораздо болѣе удовлетворительныхъ результатовъ, чѣмъ несочисляемыми экспедиціями, вызываемыми нынѣ для сохраненія кое-какого спокойствія на нашей границѣ.

Если взглянуть еще даѣе на сѣверъ, то нельзя не замѣтить быстро, неуклоннаго движенія Россіи въ Среднюю Азію. Русскіе пароходы ходятъ по Каспійскому и Аральскому морямъ; вдоль Сыр-дарьи уже давно настроены русскія крѣпости. Теперь мы слышимъ о движеніи къ Конау и о сраженіяхъ въ Бухарѣ (*). Результатомъ всего этого неизбежно будетъ принятіе линіи Аму-дарьи границею. Тогда одинъ Афганистанъ будетъ отдѣлять насъ отъ Россіи въ Средней Азіи. Можетъ быть и правда, что соседство съ большою державою во многихъ отношеніяхъ выгодно для насъ, нежели сомнительная дружба дикихъ азіатскихъ ордъ; но въ такомъ случаѣ необходимо будетъ установить надежную границу.

М. Н. Анненковъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ХИВУ ВЪ 1873 ГОДУ.

ОТЪ ДЖИЗАКА ДО ХИВЫ.

(Погодный дневникъ).

Съ 3-ю марта по 20-е апрѣля. По возвращеніи генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана въ Ташкентъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 года, я былъ отчисленъ отъ командованія 10-мъ Туркестанскимъ линейнымъ баталіономъ и назначенъ въ распоряженіе командующаго войсками Туркестанскаго округа, почему и выступилъ въ походъ, вмѣстѣ съ главною квартирою, 3-го марта, изъ Ташкента, гдѣ генералъ Кауфманъ оставался еще на нѣсколько дней.

Войска, назначенныя въ походъ изъ Ташкента, выступали пешеходно въ составѣ четырехъ колоній, начиная съ 1-го марта и на рѣкѣ Клы, близъ Джизака, должны были соединиться и ожидать прибытія главнаго начальника округа, который принялъ уже званіе командующаго войсками, дѣйствующими противъ Хивы (*).

По прибытіи командующаго войсками на р. Клы, 11-го марта, погода стояла очень теплая; но 12-го числа утромъ сдѣлалось пасмурно, началъ кропить меленый дождь, потомъ усилился и сталъ лить день и ночь при порывистомъ холодномъ вѣтрѣ.

Въ ночь, съ 12-го на 13-е марта, меня потребовалъ къ себѣ начальникъ полевого штаба и объявилъ мнѣ приказаніе командующаго войсками принять начальство надъ первымъ эшелономъ, съ которымъ и выступить въ пять часовъ утра къ урочищу Нурекъ, въ разстоя-

(* Генералъ-майоръ Головачевъ назначенъ начальникомъ Туркестанскаго отряда; генералъ-майоръ Троицкій — начальникомъ полевого штаба; генералъ-майоръ Жаринъ — начальникомъ артиллеріи; полковникъ Шайеверъ — начальникомъ инженеровъ; генералы: Пистолькорсъ и Бардовскій — состоящими при командующемъ войсками.

(*) Сочиненіе г. Эдай относится къ 1867 году.

ни верст 30 или 35 отъ позиции на р. Клы. Остальные эшелоны должны были слѣдовать за мною одинъ за другимъ, въ разстояніи одного перехода; при второмъ эшелонѣ слѣдовали: вся главная квартира, командующій войсками, Князь Евгений Максимилановичъ Лейхтенбергскій и начальникъ отряда генералъ майоръ Головачевъ.

Въ составъ эшелона, находившагося подъ моимъ начальствомъ, вошли: одна рота туркестанскихъ саперовъ, двѣ стрѣлковыя роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, четыре орудія конной батареи подполковника Перельгина, одинъ ракетный дивизионъ, одна сотня уральскихъ казаковъ и 635 верблюдовъ, составлявшихъ обозъ перваго эшелона. При эшелонѣ назначенъ состоятъ генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Аминовъ. Кроме того, въ распоряженіе мое поступило восемь джигитовъ или проводниковъ туземцевъ.

Получивъ словесное приказаніе отъ начальника полевого штаба поздно вечеромъ, въ темную ночь, когда дождь продолжалъ моросить, и имѣя въ виду выступить въ пять часовъ утра, я крайне былъ затрудненъ отданіемъ приказаній въ части, которыя мнѣ вовсе не были извѣстны и къ тому же, не имѣя ни канцелярш, ни адъютанта, я вынужденъ былъ своручно написать приказъ по первому эшелону о назначеніи меня начальникомъ, о сборномъ пунктѣ всѣхъ частей и о выступленіи эшелона въ пять часовъ утра. Мое затрудненіе усугубилось еще болѣе тѣмъ, что, не имѣя при себѣ ни ординарца, ни казаковъ, я долженъ былъ, въ дождливую и темную ночь, по нѣсколько разъ ходить къ начальнику штаба, за полученіемъ необходимыхъ, по моему назначенію, инструкцій и прочихъ бумагъ; отсылавъ начальниковъ частей, вошедшихъ въ составъ начальствующаго мною эшелона и, такимъ образомъ, измокшій и усталый, я почти до разсвѣта провелъ ночь въ распоряженіяхъ.

По моему приказанію, въ четыре часа утра, 13-го марта, стали выводить 635 верблюдовъ, составлявшихъ обозъ. Дождь не переставалъ моросить, что крайне затрудняло навьючиваніе, тѣмъ болѣе, что люди наши не были привычны къ такого рода обозу, а изъ туземныхъ жителей назначено было по одному лаучу на каждые семь верблюдовъ.

Предстоявшій намъ походъ отмѣченъ былъ небывалою особенностію, именно той, что войскамъ, слѣдовавшимъ въ Хиву, отстоящую на тысячу верстъ, по голоднымъ, безводнымъ и песчанымъ степямъ, не имѣющимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ дорогъ, пришлось имѣть съ собою запасы всякаго довольствія до самой Хивы, какъ для себя, такъ и для животныхъ въ провантѣ, фуражѣ и проч.; необходимо

было даже имѣть воду для безводныхъ переходовъ, быть можетъ, простирающихся до ста верстъ.

Не взирая на дурную погоду, на дождь, слякоть и сильный, холодный вѣтеръ, командующій войсками генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, былъ уже на погахъ въ четыре часа утра и обходилъ спящій лагерь, а поднявшіяся части перваго эшелона торопили къ послѣдней выючкѣ и выступленію. Къ пяти часамъ верблюды начали вытягиваться къ сборному мѣсту, а саперная рота, двѣ стрѣлковыя роты, конные дивизионы, артиллерійскій и ракетный, и уральская сотня выстроились на своихъ мѣстахъ. Командующій войсками, поздоровавшись съ людьми, приказалъ мнѣ трогаться въ путь. Я отвѣтъ отрядъ отъ сборнаго мѣста еще версты на полторы, остановилъ его, построилъ верблюдовъ въ нѣсколько линий, вызвалъ авангардъ, арьергардъ и боковыя охранки; попросилъ къ себѣ г. начальника въ частей и всѣхъ офицеровъ, познакомился съ ними, поздоровался съ нижними чинами и мы, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тронулись съ мѣста около 6 1/2 часовъ утра и начали углубляться въ необозримое степное пространство.

Погода была самая мрачная. Небо, по всему необозримому пространству, было покрыто густыми облаками; дождь обратился въ ливень и вѣтеръ подулъ до того холодный, что мы, для согрѣванія себя, слѣзали съ лошадей и, идя пѣшкомъ, мями глинистую землю, которая огромными комами прилягала къ сапогамъ. Расположеніе духа невольно принимало мрачный оттѣнокъ; 13-е число, день выступленія, безпрестанно вертѣлось въ мысляхъ...

Не предполагая дѣлать этого похода, а еще менѣе получить какую либо часть войскъ другой области подъ мое начальство, такъ какъ я самъ служилъ въ семирѣченскихъ войскахъ, я, кромѣ запаса чая, сахара и двухъ пудовъ сухарей для чая, ничего не имѣлъ съ собою, тѣмъ болѣе, что, состояя при главной квартирѣ, я, въ числѣ прочихъ, до сихъ поръ всегда обѣдалъ у командующаго войсками. Теперь, неожиданно отдѣлившись отъ главной квартиры, я долженъ былъ думать о себѣ, почему и обратился къ сапернымъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ у меня были знакомые, прося ихъ принять меня въ свою артель. Я былъ радужно принятъ саперами и никогда не забуду тѣхъ любезныхъ отношеній, въ которыхъ я находился къ этому замѣчательному своею порядочностію обществу офицеровъ.

Въ холодную погоду люди идутъ скоро; пройдя болѣе половины пути, я погагалъ слѣзая приравъ, но проливной дождь, глинстая слякоть и необыкновенный холодъ гнали насъ впередъ. Приостановивъ

шись, и пропустивъ мимо себя отрядъ, равно и большую часть верблюдовъ, я почувствовалъ ощущеніе, похожее на замерзаніе; поводья вываливались изъ рукъ, ноги кочевѣли... Я поспѣе догналъ переднихъ, соскочилъ съ лошади и пошелъ въ числѣ прочихъ; всѣ офицеры были спѣшны, и тутъ я увидѣлъ, до какой степени всѣ, и люди и животныя, дрожа отъ холода, спѣшили впередъ!... Но, куда мы спѣшили?... Всѣ знали, что, кромѣ нескончаемой и бурной степи, на мѣстѣ ночлега нѣтъ ничего. Тѣмъ не менѣе, отрядъ шелъ весьма скоро, особенно, когда подполковникъ баронъ Аминовъ сообщалъ, что остается только около трехъ верстъ до ночлега, и что на ночлегѣ мы найдемъ заготовленный хворостъ, привезенныя прова для варки пищи и степную, идущую на топливо, траву. Услыхавъ это, люди заторопились еще болѣе. Но, какъ нарочно, вдругъ завернувъ сильнѣйшій буранъ. Небо разразилось сѣгомъ и, вслѣдъ затѣмъ, градомъ.... вихрь обхватилъ всю степь и произвелъ какой-то хаосъ въ атмосферѣ.... Окопѣлые, мы бѣжали къ видѣвшимся вблизи огонькамъ,— то было мѣсто ночлега, гдѣ передовые казаки развели огонь. Отрядъ захватилъ весь горючій матеріалъ, заготовленный для всѣхъ четырехъ эшелоновъ; люди зажгли такіе костры, какихъ, я полагаю, въ этихъ мѣстахъ, съ поконъ вѣка, видано не было. Наша одежда, съ утра смоченная дождемъ, до такой степени была охвачена морозомъ, что всѣ наши пальто, до другого дня, стойма стояли на землѣ, представляя картину какого-то безгодного строя.... Верблюдовъ я потерялъ порядочное число, а тюки, когда на другой день были подобраны, оказались совершенно обледѣлыми; веревки пришлось перерубать топорами.

Костры на бивакѣ были разведены моментально. Всѣ отрядъ, сами себя и другъ друга, стали оттирать, отогрѣвать и не давая другъ другу засыпать. Въ особенной чести гг. офицеровъ первого эшелона, я долженъ отнести ту заботу и попеченіе, которыя они принимали для сохраненія каждаго человѣка своей части въ то время, когда сами находились въ томъ же положеніи окопѣлыхъ.

Съ наступленіемъ ночи, вихрь отчасти прекратился и остатки ея промель въ дѣятельномъ отогрѣваніи и оттираніи другъ друга. На утро оказалось нѣсколько ознобившихся, но, благодаря Бога, ни одного замерзшаго, кромѣ двухъ лаучей туземцевъ, которыхъ спасти не было возможности.... Мы ихъ предали землѣ.

На другой день, утро было свѣжее, хотя и безъ вихря, но вѣтеръ дулъ холодный. Солнце проглядывало сквозь густой туманъ, вѣтеръ подавалъ надежду на проясненіе погоды. Дѣйствительно,

послѣ полудня, солнце заблестало и начало пригрѣвать. Люди стали расходиться изъ кучекъ и разбрелись по позиціи; эта картина сильно напоминала мошекъ, пригрѣтыхъ теплотою и вылетающихъ изъ щелей.

По данной мнѣ инструкціи, съ мѣста почлега Нурекъ, я долженъ былъ, на другой день, выступить далѣе въ пять часовъ утра; но, вслѣдствіе застигнувшей насъ бури, я не имѣлъ возможности этого исполнить, такъ какъ на другой день все было еще до такой степени обледѣлымъ, что я не могъ вычлѣниться, почему и рѣшился, на свою отвѣтственность, дать отряду дневку, о чемъ въ полдень, 14-го числа, послалъ донесеніе съ джигитомъ, который, возвратясь, привезъ мнѣ одобрительное разрѣшеніе главнаго начальника и извѣстіе, что на рѣкѣ Клы войска и главная квартира потерѣли тоже порядочное крушеніе.

На третій день, 15-го марта, вѣтренный мнѣ эшелонъ совершенно оправился и выступилъ съ Нурека въ семь часовъ утра къ урочищу Учма. Оттуда мы направились на Фариншъ, Синтабъ, Тимиръ-кабукъ, до колодцевъ Балты-саддыръ. Отсюда, степь измѣняетъ свой характеръ; слѣдовать приходится по распросамъ, на колодцы, такъ какъ степь въ полномъ смыслѣ голодная и совершенно безводная. Названные мною переходы отъ Нурека до Балты-саддыра были пройдены нами, хотя безъ особенныхъ приключеній, но съ большими невзгодами, по случаю дождей, холодовъ и сильныхъ степныхъ вѣтровъ.

На Балты-саддыръ, вслѣдствіе малочисленности колодцевъ, часто съ негодною въ нихъ водою, мнѣ приказано было раздѣлить эшелонъ и самому, съ ротою саперъ, половиною казаковъ, двумя орудіями и ракетнымъ дивизиономъ, продолжать движеніе по весьма трудной дорогѣ, такъ называемой сѣверной, до урочища Тамды, гдѣ предполагалось соединить всѣ эшелоны, равно и казалинскій отрядъ и построить временное укрышеніе и складъ для провіанта. Другая часть моего эшелона, подъ начальствомъ подполковника Полторацкаго, должна была слѣдовать южнѣе, по пути, параллельному моему, въ разстояніи семи, десяти и не далѣе 30-ти верстъ. За мной слѣдовали: второй эшелонъ и главная квартира, а за подполковникомъ Полторацкимъ, остальные эшелоны. Пройдя съ нами три весьма тяжелыхъ перехода, командующій войсками отмѣнилъ слѣдованіе на Тамды, перешелъ самъ съ главною квартирою на южную дорогу, и предписалъ мнѣ сдѣлать тоже, и на колодцахъ Акъ-кудукъ соединиться съ другою частью моего эшелона, вступить вновь въ

командование первымъ эшелонѣмъ и продолжать слѣдованіе до колодезь Аристанъ-бей-кудукъ, гдѣ ожидать его прибытія и соединенія всѣхъ эшелонѣвъ.

По прибытіи всѣхъ эшелонѣвъ къ названнымъ колодцамъ, командующій войсками благодарилъ меня за порядкъ, въ которомъ былъ пройденъ трехсотверстный, весьма тяжелый путь. Дѣйствительно, первому эшелону, слѣдовавшему въ головѣ, пришлось идти безъ дорогъ, по распросамъ, и, такъ сказать, пролагать путь другимъ эшелонамъ, слѣдовавшимъ сзади; наша артилерія оставалась глубокіе слѣды, долго сохранявшіеся въ песчаномъ грунтѣ. Придя къ колодцамъ, съ каждаго ночлега я долженъ былъ посылать назадъ джигита съ донесеніемъ, о числѣ найденныхъ колодезь, о качествѣ и количествѣ воды, и вообще описать качество стоянки, и тѣмъ облегчить маршъ идущимъ сзади войскамъ. На колодцахъ Аристанъ-бей-кудукъ, по соединеніи всего отряда, скопилось такое множество лошадей и верблюдовъ, что могло встрѣтиться затрудненіе въ снабженіи ихъ водою. Между тѣмъ, отрядъ, имѣя въ виду присоединеніе транспорта съ провіантомъ, долженъ былъ остаться здѣсь довольно продолжительное время. Вслѣдствіе этого, я получая приказаніе отправиться далѣе, къ урочищу Манамджанъ, гдѣ и встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе.

По прибытіи всѣхъ войскъ къ Манамджану, командующій войсками приказалъ всѣ эшелоны нашего отряда, и отрядъ ожидаемый изъ Казалинска, соединить на урочищѣ Халь-ата, гдѣ, вслѣдствіе изобилія воды, какъ ключевой, такъ и колодезной и по удобству мѣстности, рѣшено было возвести небольшое укрѣпленіе, устроить складъ провіанта и оставить часть войскъ. Для слѣдованія къ Халь-ата, командующій войсками приказалъ составить три большихъ эшелона. Въ составъ перваго эшелона вошли: всѣ стрѣльцовыя роты бригады генерала Бардовскаго, вся конная батарея, шесть орудій пѣшей артилеріи, ракетный дивизионъ и четыре сотни казаковъ. Начальство поручено генералу Бардовскому, а мнѣ приказано остаться его помощникомъ. При нашемъ эшелонѣ слѣдовалъ: командующій войсками, Великій Князь Николай Константиновичъ, опередившій казалинскій отрядъ, Герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ Годовачевъ и вся главная квартира. По прибытіи, 21-го апрѣля, къ 11¹/₂ часамъ утра, въ Халь-ата эшелоны были упорядочены и составилъ одинъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Годовачева. Я вновь поступилъ въ составъ лицъ главной квартиры.

21-е апрѣля. Бивакъ при урочищѣ Халь-ата. Урочище

Халь-ата представляетъ собою ту же необозримую степь, но только совершенно песчаную, образовавшуюся, какъ кажется на первый взглядъ, вслѣдствіе постоянныхъ, вѣтровыхъ наносовъ песка. На этой мѣстности находится значительное количество колодезь съ хорошей водою, такъ что многіе изъ нихъ оставлены были безъ употребленія, ибо независимо колодезь, изъ горы песчаной формации вытекаетъ обильный ключъ чистой воды. Топливо, какъ вообще по всей степи, состоитъ изъ какихъ-то кочушекъ, замѣняющихъ дрова. Кормъ, какъ говорится, верблюжий, потому что верблюды имъ насыщаются вполне, но для лошадей нѣтъ корма или, въ крайній мѣрѣ, подобнымъ кормомъ лошади существовать не могутъ.

На этомъ бивакѣ, войска нашей колонны, въ ожиданіи присоединенія остальныхъ и упраздненія, какъ я сказалъ, эшелонѣвъ, должны были немедленно приступить къ возведенію предполагаемой крѣпости, и такъ какъ вся эта необозримая песчаная мѣстность весьма волниста и мѣстами образуетъ большія возвышенности, или даже цѣлыя горы, то одна изъ такихъ возвышенностей была избрана мѣстомъ для возведенія крѣпости.

У колодезь Халь-ата температура значительно измѣнилась и перешла въ душливую. Вѣтеръ, который дуть порядочно, казался горячимъ и, по временамъ, какъ будто обжигалъ лицо. Солнце было во всемъ блескѣ и жгло на славу.... Мы, а также нижніе чины, постоянно были въ бѣлыхъ фуражкахъ съ подзатыльниками; не смотря на то, рѣдко у кого не было пузырей и волдырей на шеѣ; а про лицо и говорить нечего, фizioноміи наши ежедневно измѣнялись, увя!... все къ худшему.

Какъ только колонна пришла на Халь-ата и пока войска стали стягиваться на указанныя мѣста, вѣтеръ, хотя теплый, сталъ дуть сильнѣе, чаще, безотрывочно (что и называютъ степнымъ вѣтромъ) и, наконецъ, началъ вздымать такъ сильно песокъ по степи, что къ пятому часу по полудни солнце померкло и образовалась какал-то песчаная тѣма. Невозможно было хорошенько различить ни одного предмета, ни палатки, ни человѣка, все было занесено вихремъ песку.... Въ восемь часовъ вечера вѣтеръ ослабѣлъ, не вздымалъ болѣе столбами массы степнаго песку, по продолжалъ сыпать его такъ, какъ моросить мелкій дождь въ пасмурную погоду на всѣхъ и на все, безостановочно, во всю ночь. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ небывалымъ для меня зрѣлищемъ. Не говоря уже о

палаткѣ моей снаружи, но я самъ, моя кровать, столѣикъ, вѣчные книжки, все безъ исключенія было засыпано толстымъ слоемъ песка....

22-е апрѣля, Халъ-ата. Утро. Тотъ же вѣтеръ и вихри песка, та же голая степь, та же невозможность укрыться отъ всепроникающей стихіи, облѣгающей васъ со всѣхъ сторонъ. Солнце вновь застѣлжилось песочною сѣтью, какъ ирисею.

Постоянный песчаный вѣтеръ весьма затрудняетъ работы. Тѣмъ не менѣе, уже приступили къ разбивкѣ укрѣпленія и къ устройству провода воды.

Часу во второмъ дня, командующій войсками встрѣтилъ прибывшій второй эшелонъ съ артиллерійскимъ паркомъ и походнымъ лагеромъ. Ежедневно, не смотря ни на какую погоду, командующій войсками, въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта, обходитъ весь нашъ громадный лагерь, осматриваетъ всѣ работы, которыя производятся по возведенію крѣпости, осматриваетъ правильный отводъ воды для водопоя и проч.

Часу въ пятомъ по полудни, песчаная метель совершенно утихла, но ее замѣнило убійственное солнечное пекло. Въ шесть часовъ вечера раздался звонокъ, приглашающій лицъ главной квартиры къ обѣду къ командующему войсками. Я, въ числѣ прочихъ, пошелъ тоже къ обѣду. За обѣдомъ находились и Ихъ Высочества. Генерала Кауфмана я засталъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа; впрочемъ, это расположеніе духа замѣчалось всегда, при встрѣчахъ на переходѣ или на привалѣ, и производило превосходное вліяніе на окружающихъ, сообщало имъ бодрость и увѣренность въ счастливомъ окончаніи экспедиціи. Послѣ окончанія обѣда, генералъ пошелъ опять по лагерю осматривать работы, и мы всѣ почти послѣдовали за нимъ. Погода, казалось, какъ бы пришла въ себя. Солнце вклонилось къ закатау, а потому не жгло, но воздухъ былъ крайне душнъ. Ночью разразилась сильная буря, которая, казалось, готова была сорвать и унести мою несчастную палатку. Къ счастью, этого не случилось и, по обыкновенію, все занесено было пескомъ.

23-е апрѣля, Халъ-ата. Песчаной метели почти не было цѣлый день, но духота и солнечный жаръ страшные. Работы по возведенію укрѣпленія производятся по прежнему. Та же обыденная прогулка командующаго войсками по биваку, тотъ же обѣдъ въ шесть часовъ, тотъ же осмотръ работъ. Вечеръ былъ тихій и душный. Вдругъ, съ десятого часа вечера, подулъ вѣтеръ, сталъ постепенно увеличиваться, началась метель и, наконецъ, всю степь охватилъ ураганъ, до того сильный, что, лежа въ постелѣ и въ закрытой, наглухо па-

латкѣ, необходимо было укрыться съ головой. Подъ гудомъ и воемъ вѣтра, вдругъ.... мнѣ почувались звуки горна. Находясь въ полудремотѣ, я не могъ разобрать въ чемъ дѣло, какъ въ эту минуту, подъ самымъ ухомъ, грянула дробь сапернаго барабана (моя палатка была около саперовъ). Тревога!... Я вскопалъ и слышу суматоху и выяскииваніе саперовъ изъ палатокъ. Но въ первый моментъ, ничего не могъ разобрать, потому что все это случилось совершенно неожиданно, а разглядѣть нельзя было ничего, такъ какъ вѣсчаный ураганъ неся стоабами и рѣзалъ лицо. Къ счастью, вѣтеръ дулъ намъ въ тылъ, слѣдовательно, потревожившимъ насъ — прямо въ лицо. Я, однако, скоро разглядѣлъ построившихся саперовъ и стрѣльцовъ и офицеровъ, уже находившихся на своихъ мѣстахъ. Мнѣ подали лошадей, и я примкнулъ къ общей суматохѣ. Все было на ногахъ и на коняхъ; но въ этомъ хаосѣ песку трудно было добиться толку. Неожиданность тревоги говорила о близости непріятеля, а между тѣмъ все было тихо; верховые искали разъясненія причины тревоги, скакали, не разбирая мѣста, и сталкивались другъ съ другомъ; только одна пѣхота совершенно спокойно и стройно стояла на своихъ фасахъ, прикрывая орудія, снятыя съ передковъ и безмолвно угрожавшія непріятелю гостю. Первоначально я примкнулъ къ саперамъ и стрѣльцамъ; но когда мнѣ подвели лошадь, я присоединился къ развѣдывающимъ. Въ это время лица главной квартиры суетились, отыскивая командующаго войсками; между тѣмъ, генералъ Кауфманъ, не дожидаясь, чтобы ему подвели лошадь, промѣлъ съ своей налочкой въ рукахъ, мимо саперовъ и стрѣльцовъ, къ углу фасы, къ тому мѣсту, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, или подавъ сигналъ тревоги; что его не могли тотчасъ замѣтить, это совершенно естественно, такъ какъ была такая метель, что невозможно было, въ особенности въ суматохѣ, никого вдругъ разглядѣть. Наконецъ, ему подвели лошадь и всѣ его окружили. Командующій войсками и всѣ окружающіе съ нетерпѣніемъ ожидали разъясненія причины тревоги, потому что кругомъ все было спокойно, кромѣ бури, и никакъ не выстрѣловъ не было болѣе слышно.

Возвратившіеся съ казначья пикета офицеры генеральнаго штаба объяснили причину тревоги: непріятельскій развѣдъ, силою въ 15 человекъ, подѣхалъ къ нашему пикету; казакъ-часовой, замѣтивъ ихъ, выдвинулся, чтобы лучше рассмотреть, и убѣдившись, что это турмены, сдѣлалъ выстрѣлъ; ему въ отвѣтъ турмены сдѣлали два выстрѣла и бросились впередъ, чтобы отрѣзать пикетъ отъ лагера; но это имъ не удалось, ибо по первому выстрѣлу люди выскочили и

выстроились на своихъ фасахъ. Необходимо отдать полную похвалу нашимъ солдатамъ, еще болѣе потому, что появленія неприятеля въ Халъ-ата никто, конечно, не ожидалъ, между тѣмъ, по первому сигналу всѣ фаса стояли въ ружьѣ и, главное, въ полномъ спокойствіи.

Неприятельскій развѣдъ въ моментъ тревоги быстро скрылся изъ глазъ подъ покровомъ бурана. Тѣмъ не менѣе, на другой день, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бывшаго казачьяго пикета, было найдено турменское ружье и водноіа турсукъ, вслѣдствіе чего надо полагать, что выстрѣломъ казака одинъ изъ турменовъ былъ убитъ и, конечно, увезенъ, такъ какъ азіатцы, среди самыхъ серьезныхъ дѣлъ, увозятъ трупы и раненыхъ товарищей.

Командующій войсками приказалъ снять съ каждаго фаса по одному взводу отъ роты, а остальныхъ на нѣкоторое время оставить на мѣстахъ.

Послѣ всей этой передерги мы разошлись по палаткамъ; но о томъ, чтобы зажечь свѣчку, или даже фонарь, нельзя было и думать — до того продувалъ вѣтеръ мою прозрачную палатку, сквозя которую, какъ сквозитъ сито, сыпалъ тончайшій песокъ. Я страшнѣе съ подушки и съ кровати песокъ и, не раздѣваясь, легъ въ вилгѣль....

24-е апрѣля, Халъ-ата. Я проснулся въ шесть часовъ утра отъ духоты, и тотчасъ раздѣлся, потому что весь былъ въ испаринѣ и песокѣ. Утромъ, 24-го апрѣля, погода наступила совершенно тихая, солнце, не смотря на ранній часъ (шесть часовъ), жгло сквозя палатку до такой степени, что нѣтъ словъ, чтобы выразить это тяжелое, давящее ощущеніе. Можно себѣ представить, что бываетъ среди дня. Вслѣдствіе необычайной духоты и постоянного утоленія жажды чаемъ съ кислотою, совершенно теряешь аппетитъ и чувствуешь себя какъ будто развареннымъ.

Въ лагерѣ все было спокойно. Вспоминали вчерашнюю тревогу, а съ ней и суматоху; однако, неожиданность эта принесла намъ пользу; каждый про себя созналъ, что надо быть, какъ говорится, на чеку.

Часовъ около двѣнадцати прибылъ Казалинскій отрядъ, такъ что составъ нашихъ соединенныхъ отрядовъ былъ слѣдующій: 1 саперная рота, 10 ротъ стрѣлковъ, 9 линейныхъ ротъ, 8 конныхъ орудій, 6 пѣшихъ, 4 горныхъ, 2 яртаченицы, 2 крѣпостныхъ орудій, 2 мортиры, ракетная батарея и инженерный паркъ.

Во вновь заложенномъ укрѣпленіи, которое завтра, 25-го числа, должно быть окончено, полагають оставить гарнизонъ изъ одной

линейной роты, двухъ крѣпостныхъ орудій и одной сотни казановъ. Съ остальными войсками мы двинуемся къ Аму-дарьѣ, гдѣ вскорѣ соединимся съ Оренбургскими и Кавказскими отрядами.

День, 24-е апрѣля, прошелъ въ работахъ по возведенію крѣпости. На обѣдѣ у командующаго войсками я обратилъ особенное вниманіе на распросы его, дѣлаемые генеральнаго штаба подполковнику барону Аминову, относительно собранныхъ имъ свѣдѣній о разстояніи отъ здѣшней позиціи Халъ-ата до Аму-дарьи. Подполковникъ баронъ Аминовъ съ самаго начала похода былъ въ должности какъ бы козловозатага, такъ что, при движеніи, мы руководствовались тѣми свѣдѣніями, которыя онъ собиралъ объ этомъ пути какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Самаркандѣ.

25-е апрѣля, Халъ-ата. Въ два часа ночи разразилась новая буря и песчаная метель. Много палатокъ, въ томъ числѣ и столовую командующаго войсками, снесло. Въ седьмомъ часу утра буря нѣсколько утихла, и явилась возможность выползти изъ палатки и нѣсколько оправиться. Для того, чтобы кое какъ сдѣлать свой туалетъ, необходимо было прежде выйти изъ палатки для того, чтобы присадага могла смести или, лучше сказать, свалить песокъ и страшнѣе его со всѣхъ вещей. Обчиститься какъ слѣдуетъ очень трудно: хотя мы всѣ коротко острижены, но это мало помогаетъ: вся голова, лицо, все въ песокъ; для глазъ въ особенности это очень тяжело. Высшее начальство тоже не на розахъ; всѣ несутъ почти одинакія невзгоды,—разница самая незначительная.

Носятся слухи, что командующій войсками сильно озабоченъ дальнѣйшимъ движеніемъ къ Аму; говорятъ, что сегодня начальники частей будутъ призваны на совѣщаніе. Свѣдѣнія относительно разстоянія до этой рѣки оказываются разнорѣчными; полагали и были увѣрены, что разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи 70 или 80 верстъ по страшному безводному пространству; если бы даже было и до 100 верстъ, то все-таки переходъ былъ бы возможенъ; но казалинскій отрядъ принесъ свѣжія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ разстояніе отъ Халъ-ата до Аму-дарьи считается слишкомъ въ 160 верстъ, и безъ малѣйшаго признака воды. Было о чемъ подумать. Огромный (для степи) отрядъ, масса верблюдовъ и лошадей должны пройти 160 верстъ по страшнымъ, сыпучимъ пескамъ, о которыхъ трудно себѣ составить понятіе, и слѣдовать нѣсколько дней по убійственной духотѣ безъ капли воды на пути.

Принимаюсь вновь за перо, чтобы продолжать дневникъ нынѣшняго дня. Я было отправился на совѣщаніе, но оно, какъ оказалось,

состоится завтра, 26-го числа, послѣ молебствія и освященія заложеннаго укрѣпленія, которое будетъ называться укрѣпленіемъ св. Георгія. Въ ожиданіи результата совѣщанія, не могу не обратиться вновь къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя приходится испытывать въ такой мѣстности, которую, по истинѣ, Господь не могъ создать для бытія людей. Я готовъ поручиться, что ни единый человѣкъ, который только находится на мало-мальски житейски устроенной землѣ, не повѣритъ, да и не въ состояніи себѣ представить того положенія, въ какомъ мы находимся здѣсь.... Слова сказаны, за тридцать земель, въ тридцатомъ царствѣ, невольно приходятъ на умъ.... Съ самаго прихода нашего на Халъ-ата, ни минуты человѣческаго положенія.... День и ночь хаосъ, день и ночь свѣта преставленіе, безъ отдыха и безъ промежутка!... Сегодня, съ двухъ часовъ дня и по сію минуту, седьмой часъ вечера, ураганъ валетъ всю степь и насъ такъ, что нѣтъ словъ, чтобы это выразить. Столовую генераль-губернатора такъ и не могли поставить. Я едва добрался до моей палатки и хотя уже свѣисъ, но все-таки ужаснулся: все засыпано пескомъ; сама палатка безостановочно трещитъ, какъ какое нибудь живое существо; нѣтъ возможности ни прилечь, ни заснуть. Гулъ свирѣвствующаго вѣтра, отвратительный крикъ ишаковъ, и не менѣе неприятный крикъ верблюдовъ, поминутное ржаніе лошадей, ужасно дѣйствуютъ на нервы.... Невыносимо; хотя бы пять минутъ тишины.

Между тѣмъ, рядомъ слышатся голоса мохъ сосѣдей, саперныхъ офицеровъ, только что возвратившихся съ укрѣпленія. На усмиренныя и нѣсколько разъ повторенныя приказанія подать чаю, они получаютъ неумолимый отвѣтъ, что невозможно развести огня. Нельзя не отдать полной справедливости гг. саперамъ; каждый офицеръ имѣлъ свою часть по возведенію и постройкѣ укрѣпленія и самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ свою обязанность. Мы видѣли ихъ, на валу укрѣпленій и рвахъ, сожигаемыми палящимъ солнцемъ и засыпаемыми пескомъ и не оставлявшими своего мѣста до тѣхъ поръ, пока урочъ не былъ оконченъ, примѣръ, оцугительно дѣйствовавшій на усердіе и рвеніе нижнихъ чиновъ.

Въ ночи разнесся слухъ, что завтра вечеромъ, или въ ночь, мы выступаемъ къ Аму-дарѣ. Каждый приказалъ приготовить, собственно для себя, бутылочки три воды, независимо отъ той, которая по расчету верблюдовъ, лошадей и прислугѣ каждому, можетъ быть взята въ турсуки на три дня, такъ какъ предполагали три перехода. Дай Богъ, чтобы ихъ было только три.

26-е апрѣля, Халъ-ата. На утро части войскъ, которыя могли

помѣститься въ укрѣпленія, были выстроены для молебствія; на возвышенности былъ съ утра вывѣшенъ флагъ. Командующій войсками прибылъ въ крѣпость къ семи часамъ утра, отслушавъ молебенъ съ водосвятиемъ, послѣ чего приказалъ сажать изъ двухъ орудій, поставленныхъ на барбетахъ, и затѣмъ, пропустивъ войска церемониальнымъ маршемъ, потребовалъ къ себѣ въ ставку генераловъ и начальниковъ частей. Совѣщаніе не продолжалось и часа времени. Командующій войсками рѣшилъ: роту саперовъ, двѣ роты стрѣлковъ, бригаду генерала Бардовскаго, дивизионъ горныхъ орудій, взводъ скорострѣльныхъ орудій и полсотни казаковъ отправить впередъ верстъ за 35, гдѣ, по расписамъ, существовали колодцы, въ настоящее время засыпанные неприятелемъ. Отрядъ этотъ порученъ генералу Бардовскому. По полученіи свѣдѣнія отъ генерала Бардовскаго, командующій войсками, со всей главною квартирою и частью войскъ, предполагалъ тоже двинуться; за нимъ пойдутъ и остальные войска, за исключеніемъ остающихся въ гарнизонѣ укрѣпленія св. Георгія.

27-о апрѣля, Халъ-ата. Сегодня, къ вечерней зарѣ, небо совершенно прояснилось, стало тихо.... Взвилась ракета, вслѣдъ за тѣмъ, выстрѣлъ изъ орудія и зоръ пробита. Луна взошла во всемъ блескѣ.... Вечеръ и ночь были такъ хороши, что это насъ всѣхъ оживило, и разлило въ организмѣ какое-то внутреннее блаженство. Съ содроганіемъ воспоминаешь объ ужасахъ песчаныхъ буръ; кажется, нѣтъ возможности ни одному организму свыннуться съ этой злою природой. Эта мѣстность, жилье вѣтра, какъ какого нибудь злаго духа, который изгоняетъ отъ себя не только человѣчество, но даже и всякую тварь, такъ какъ на всемъ пространствѣ до Аму-дарьи и чѣмъ далѣе, тѣмъ, говорятъ, хуже, не существуетъ ни какихъ жи вотныхъ, не пролетаетъ птица, а водятся только въ несѣ скорпионы, какіе-то особенные жуки, черепахи и омерзительныя ящерицы громадной величины, длиною до двухъ аршинъ. Кромя отряда, на значеннаго для отысканія и отрытія колодезевъ, отправляющагося сегодня въ пять часовъ вечера, генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Аминовъ, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, послалъ нѣсколько джигитовъ, для осмотра другого пути, ведущаго, по словамъ туземцевъ, къ Аму-дарѣ по колодцамъ и ключамъ. Вслѣдствіе этого, командующій войсками рѣшился выждать у Халъ-ата два дня, въ ожиданіи отвѣта отъ посланныхъ барономъ Аминовымъ джигитовъ.

Два часа по полудни. Вѣтеръ стихъ, но за то наступила такая жара, которая, казалась, сожжетъ и высушитъ мозги. Страдая отъ жары и отъ другихъ степныхъ невзгодъ, мы часто вспоминали Вамъ-

бери, который, какъ мы всё думали до похода, многое присочинилъ, описывая бѣдствія, испытанныя въ степи. Теперь, пересѣкая тотъ путь, которымъ онъ шелъ, намъ пришлось убѣдиться лично въ справедливости его словъ.

Части, назначенныя для отысканія и устройства колодецевъ, начали съ утра готовиться къ выступленію; принимали провіантъ, наливали воду, а около четырехъ часовъ по полудни, при ужаснѣйшей жарѣ, стали вьючиться. Вьючка—это невыразимая возня и самая непріятнѣйшая процедура, сопровождаемая фырканьемъ и отвратительнымъ прикомъ верблюдовъ. Въ это время командующій войсками, съ нѣкоторыми лицами своего штаба, вышелъ изъ палатки проводить отрядъ. Около отправляющихся товарищей собрался цѣлый кружокъ; всё пожелали имъ добраго пути и счастливаго исполненія возложеннаго на нихъ порученія. При этомъ, въ видѣ поощренія, имъ сообщили распространившееся слухи, что въ нѣсколькихъ верстахъ ихъ дождается хорошо вооруженный отрядъ аванцевъ, тысяча въ двѣ или три, съ орудіями. Это извѣстіе весьма радовало уходящихъ впередъ, и даже составило предметъ зависти для оставшихся. Къ пяти часамъ все было готово и рота саперовъ, двѣ роты стрѣлковъ, дивизіонъ горныхъ орудій, двѣ картечницы и полсотни казаковъ выступили подъ начальствомъ генерала Бардовскаго.

Не прошло и получаса времени, какъ проѣхалъ мимо моей палатки верхомъ, командующій войсками, желая хотя немного познаться съ неизвѣстной дорогой, по которой онъ направилъ отрядъ, проводилъ его до 8-й версты и къ вечеру возвратился въ лагерь. Солнце закатилось, жаръ спалъ, дуна опять вошла, наступилъ прелестный вечеръ, можно было дышать и не хотѣлось идти въ палатку. Мы разошлись спать часу въ первомъ ночі; ночь была великолѣпная... ни одна песчинка не шевелилась.

Туземцы, идущіе съ отрядомъ, въ этотъ вечеръ объявили, что ни мятель, ни бурановъ болѣе не будетъ, но, что по вѣрнымъ ихъ примѣтамъ, наступаетъ время самыхъ сильныхъ жаровъ. Хотя вѣсть эта не могла быть утѣшительною, такъ какъ мы уже теперь страдали отъ духоты, но мнѣ казалось, что все таки лучше переносить одну жару, чѣмъ соединенію съ разными буйствами природы. Отходя ко сну, каждый думалъ объ исходѣ экспедиціи Бардовскаго; неотступно преслѣдовала и меня мысль о дальнѣйшемъ нашемъ походѣ.... Тяжелый сонъ прервалъ нить этихъ размышленій.

28-е апрѣля, Халъ-ата. Проснувшись въ семь часовъ утра, я узналъ, что ночь прошла не совсѣмъ спокойно: обстоятельства за-

ставили командующаго войсками, ночью же, отправить три сотни казаковъ, вслѣдъ за ушедшимъ вчера отрядомъ Бардовскаго. Первое извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, я получилъ отъ своего слуги, который, едва войдя въ палатку, поторопился мнѣ сообщить, что на вышедшій вчера отрядъ было сдѣлано нападеніе, что подполковникъ Ивановъ раненъ въ руку и въ ногу, подполковникъ Тихменевъ въ лицо; что два казака ранены тяжело, два легко; что изъ джигитовъ, сопровождавшихъ отрядъ, нѣкоторые ранены тяжело и самый лучший изъ вожakovъ-джигитовъ убитъ.

Наскоро одѣвшись и выйдя изъ палатки, я увидѣлъ Великаго Бязя Николая Константиновича, сидѣвшаго на табуретѣ и разговаривающаго съ казакомъ, который только что прѣхалъ изъ отряда генерала Бардовскаго съ донесеніемъ. Надо замѣтить, что съ этимъ же отрядомъ, долженъ былъ идти Великій Блязъ Николай Константиновичъ, въ качествѣ помощника начальника отряда, но, забывая лихорадкою нананунѣ, не могъ выступить 27-го числа. При отрядѣ же, между прочими, находились: генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Каульбарсъ, какъ начальникъ съемочной партіи, генеральнаго штаба подполковникъ Тихменевъ, въ качествѣ коноводжатаго, и полковникъ Ивановъ. Послѣдній былъ командированъ въ отрядъ, какъ человекъ боевой (онъ имѣетъ георгіевскій крестъ) и отчасти знакомый съ мѣстностью; передъ хивинскою экспедиціею онъ находился въ Тамдахъ, для сбора свѣдѣній о путяхъ къ Аму-дарѣ и зналъ окрестное населеніе. Кромѣ того, при немъ были его джигиты, бывавшіе въ этой мѣстности.

Приглашенный Его Высочествомъ присутствовать при донесеніи казака, я услышалъ слѣдующій разсказъ. Полковникъ Ивановъ и подполковникъ Тихменевъ, идя въ виду обзорнѣ мѣстности, отдѣлились отъ отряда и выѣхали впередъ. При каждомъ изъ нихъ имѣлось по два казака, и, кромѣ того, 11 джигитовъ, впереди которыхъ ѣхалъ вожакъ, знающій хорошо мѣстность.

Около 8½ часовъ вечера, партія усмотрѣла впереди, въ близкомъ разстояніи, нѣскольکو человекъ туркменовъ, вслѣдъ за которыми изъ за той же возвышенности, выскочили человекъ полтораста всадниковъ и бросились на нашу небольшую группу. Полковникъ Ивановъ и подполковникъ Тихменевъ, тотчасъ спѣшилися, приказали казакамъ и джигитамъ сдѣлать тоже, изготовили ружья и револьверы, причѣмъ полковникъ Ивановъ приказалъ стрѣлать не иначе какъ въ упоръ. Туркмены, увидѣвъ спокойствіе и стойкость этой горсти людей, приостановились и начали стрѣлать; наши казаки и джигиты, которые

тоже имѣли ружья, отвѣчали имъ выстрѣлами съ самаго близкаго разстоянія. Въ это время полковникъ Ивановъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ, и въ руку такъ, что пуля застряла; подполковникъ Тихменевъ получилъ легкую рану въ лицо; изъ казаковъ ранены четверо, изъ которыхъ два тяжело, изъ джигитовъ одинъ убитъ, нѣсколько ранены: двое тяжело. Надо замѣтить, что, какъ только былъ усмотрѣнъ неприятель, полковникъ Ивановъ успѣлъ послать къ отряду джигита, который на скаку передалъ извѣстіе восьми казакамъ и офицеру, ѣхавшимъ впереди отряда въ видѣ наблюдательнаго пикета. Казаки, подъ начальствомъ хорунжаго Мамаева, тотчасъ бросились въ карьеръ выручать своихъ, и съ крикомъ «ура» присоединились къ нимъ. Турмены, усмотрѣвъ пыль и скачущихъ всадниковъ, вообразили, что весь отрядъ спѣшитъ на выручку и тотчасъ отскочили отъ осажденныхъ шаговъ на сто, что дало возможность прискакавшимъ восьми казакамъ съ офицеромъ присоединиться къ своимъ, спѣшиться и поддержать перестрѣлку. Турмены, въ свою очередь, замѣтивъ малочисленность отряда, снова стали напирать.... Къ счастью и къ спасенію горсти храбрыхъ, взводъ стрѣлковъ, бывший въ авангардѣ, сбросивъ съ себя шинели, подошелъ обѣгомъ во-время.... Послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ, шайка разбѣжалась.

По полученіи донесенія, командующій войсками вышелъ изъ лагеря и тутъ же ночью лично приказалъ: подполковнику Главацкому съ тремя сотнями идти къ отряду генерала Бардовскаго, и произвести рекогносцировку мѣстности. За ранеными командующій войсками отправилъ свой тарантасъ.

Въ шесть часовъ вечера, были привезены въ лагерь всѣ раненые, кромѣ подполковника Тихменева, который продолжалъ слѣдовать съ отрядомъ далѣе, по назначенію. Командующій войсками навѣстилъ полковника Иванова, который, между прочимъ, доложилъ, что когда они защищались, то ихъ весьма стѣсняли лошади, которыя рвались и не стояли на мѣстѣ; занятые стрѣлбою, казаки не могли удерживать лошадей, вслѣдствіе чего семь изъ нихъ вырвались и попали къ неприятелю.

У турменъ оказалось двѣ лошади убитыхъ, да двѣ были захвачены казаками. Сами же турмены, вѣроятно, понесли порядочный уронъ, но ни одного трупа, по обычаю азіатцевъ, не было оставлено на мѣстѣ. Командующій войсками, еще ночью, отправляя казаковъ, послалъ четыре георгиевскихъ креста казакамъ и джиги-

тамъ, но по личному ходатайству полковника Иванова, извѣявъ свое полное согласіе наградить и остальныхъ.

29-го апрѣля. Халь-ата. Предсказаніе туземцевъ, какъ кажется, оправдывается: нѣтъ ни бурь, ни мятежей, даже нѣтъ вѣтра; за то духота страшная....

Часу въ третью по полудни, посланные барономъ Аминовымъ, для узнанія новаго пути къ Аму-дарьѣ, джигиты возвратились и сообщили, что отъ теперешней нашей стоянки у Халь-ата, по направленію къ Аму-дарьѣ версть сто можно пройти, имѣя на пути вездѣ колодезную и даже, частію, ключевую воду. Но потомъ, все таки, до Аму останется еще восемь ташъ, т. е. 64 версты, безъ капли воды.

Между тѣмъ, сегодня же, подполковникъ Главацкій, возвратившись съ своими казаками съ рекогносцировки, привезъ изъ отряда генерала Бардовскаго, отъ начальнаго инженера, на скоро карандашъ написанную записку, въ которой оновъ извѣщаетъ, что къ завтрашнему дню, 30-го апрѣля, на урочищѣ Адамъ-крыганъ, гдѣ они находятся, будетъ открыто и изготовлено до двадцати колодезевъ съ водою, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго и что, по собраннымъ свѣдѣніямъ и вторичнымъ вопросамъ нашихъ джигитовъ, по всѣмъ соображеніямъ и комбинаціямъ, до Аму-дарьѣ отъ Адамъ-крыгана не должно быть болѣе 70 верствъ.... По полученіи этихъ свѣдѣній, командующій войсками, не полагаясь на вѣрныя позаназанія джигитовъ и туземцевъ, и не желая болѣе терять времени, въ этотъ же день отдалъ приказъ, чтобы въ ночь съ 29-го на 30-е число, отряду сняться съ бивака и слѣдовать къ колодезямъ Адамъ-крыганъ. Всѣ въ отрядѣ просіали отъ радости, имѣя въ виду покинуть, наконецъ, Халь-ата и идти впередъ. Мы столько испытали невзгодъ на этой ужасной стоянкѣ, что и передать не возможно. Къ этой тяжелой обстановкѣ каждый день прибавлялись тревожные слухи о томъ, что дальнѣйшее движеніе до Аму-дарьѣ невозможно, что здѣсь въ Халь-ата только цѣточки, но далѣе, къ Аму-дарьѣ,—вотъ гдѣ будутъ ягодки. Тѣ самые джигиты и туземцы, которые дѣлали розыскіи, которые съ нами шли, всѣ до одного, сомнѣвались въ томъ, чтобы отрядъ могъ дойти до Хивы, или лучше сказать, пройти восьмидесятиверстное пространство до Аму-дарьѣ по сыпучимъ пескамъ, при убійственной жарѣ и безъ капли воды.... Ни человекъ, ни верблюдъ, говорили они, не стерпятъ; не даромъ, урочище Адамъ-крыганъ, въ переводѣ значитъ: человеческая погибель!... При этомъ рассказывались страшныя легенды о происхожденіи.

ни этого названія; на этой мѣстности, по словамъ туземцевъ, отъ жары и безводья, занесенные пескомъ, не только погибли караваны, но, по старинному преданію, Адамъ-крыганъ былъ могилью бухарскихъ войскъ, погибшихъ здѣсь во время войны съ Хивою. Не придавая большаго значенія ни этимъ легендамъ, ни пылкости азіятской фантазіи, войска нашего отряда бодро и весело готовы были переносить всѣ невзгоды природы, лишь бы только идти впередъ.

30-е апрѣля. Колодцы Адамъ-крыганъ. Мы выступили съ позиціи Халь-ата въ три часа ночи на 30-е апрѣля, въ составѣ девяти ротъ, одной конной батареи и 3,000 верблюдовъ. Кавалерія была оставлена съ тѣмъ, чтобы нагнать насъ на предпослѣднемъ переходѣ къ Аму-дарьѣ. Погода, какъ будто для нашего ободренія, съ самой ночи посвяжала: задуть холодный вѣтеръ, такъ что конная артиллерія и главная квартира были одѣты въ пальто, но пѣхота слѣдовала въ гимнастическихъ рубашкахъ. Не успѣли мы отойти отъ Халь-ата двухъ верстъ, какъ мѣстность стала измѣняться: лошади почти на каждомъ шагу возвышенности и овраги, спуски и подъемы. Песокъ былъ сыпучій и мягкій: артиллерійскія колеса на цѣлую четверть увязали въ немъ, оставляя глубокія колеи; лошадиная нога съ бабкой погружалась въ песокъ и это на пространствѣ, какъ въ то время опредѣляли, до 36 верстъ, отъ Халь-ата до Адамъ-крыгана. Легко себѣ представить всю тяжесть этого похода для людей, лошадей и даже для верблюдовъ.... Благодаря Бога, свѣжесть ночи и воздуха несказанно облегчила походъ, и мы съ трехъ часовъ ночи безъостановочно шли до десяти часовъ утра, потому что переходъ этотъ, до Аму-дарьи, могъ быть совершенъ не иначе, какъ по самому тщательному расчету всякаго марша. Въ десять часовъ утра стянулись на привалъ и отрядъ былъ остановленъ. Началось отчихиваніе людей отъ пыли и песку, которому вторили отпахиваніе лошадей и ревъ верблюдовъ; эта смѣсь гармоній, или, вѣрнѣе, дисгармоній, долго оглашала пустынную окрестность и слышна была издавна. Солнце, по обыкновенію, начинало печь жесточайшимъ образомъ, духота усиливалась. Намъ давался шести-часовой привалъ на ягучемъ песку, подъ открыткѣмъ небомъ; кругомъ насъ, на необозримой степи, всюду колодцы и затѣмъ ничего. Верблюды были развьючены и кормились колочкой; лошади же не имѣли никакого корма и ни капли воды. Имъ дали ячменя и, предъ выстуженіемъ съ привала, по порціи воды, т. е. по ведру, изъ турсуковъ: здѣсь мы, въ первый разъ приступили къ расходованію воды порціями изъ турсуковъ какъ для людей, такъ и для лошадей. Верблюдовъ со-

всѣмъ не поили, во-первыхъ потому, что они легко могутъ оставаться три дня безъ питья; и во-вторыхъ напоить всѣхъ 3,000 верблюдовъ, было невозможно: каждый верблюдъ выпиваетъ за одинъ разъ не менѣе пяти ведеръ.

Мы снялись съ привала въ четыре часа по-полудни, отдохнувъ нѣсколько часовъ. Дальнѣйшее слѣдованіе наше ничѣмъ особенно не отличалось: отрядъ шель подъ лучами жгучаго солнца по такому же однообразному песчаному пути, какъ и предшествующій. Въ седьмомъ часу вечера стада снадятъ жаръ и дыханію сдѣлалось нѣсколько легче, свободнѣе. Люди и животные приободрились и стали шагать какъ будто скорѣе...

Въ десяти часамъ вечера мы подошли къ урочищу Адамъ-крыганъ, гдѣ насъ встрѣтилъ генералъ Бардовскій. Тутъ мѣстность представляла совершенно особенную картину: повсюду казались нагроможденными, какъ бы парочно, несмѣтными кучи песку, образовавшія высочайшіе песчаные холмы одинъ подлѣ другого; между ними впадины или довольно глубокіе овраги. Поэтому, позція для расположенія отряда оказалась довольно тѣсною, въ особенности при развѣщеніи тянущейся съ нами вереницы верблюдовъ. Войска размѣстились въ долинахъ, между холмами; только цѣпь и пикеты были выставлены на холмахъ. Хотя луна, какъ говорится, свѣтила полнымъ своимъ блескомъ, но, все-таки, почное время, въ походѣ какъ и всюду, мѣшаетъ хорошенько ориентироваться и поудобнѣе устроиться. Арьергардъ присоединился къ намъ немного позже. По прибытіи на Адамъ-крыганъ, командующій войсками, не сходя съ коня, объѣхалъ весь бивакъ, въ сопровожденіи главной квартиры и своего конвоя. При этомъ, онъ благодарилъ нижнихъ чиновъ отряда генерала Бардовскаго за ихъ труды по вырѣзку колодцевъ и добыванію воды.

Прибывъ на Адамъ-крыганъ вмѣстѣ съ главною квартирою и объѣхавъ за командующіи войсками всю позицію, я пошелъ на то мѣсто, гдѣ были расположены саперы, такъ какъ мѣсто главной квартиры было близко отъ нихъ. Ко мнѣ присоединился мой сынъ, адъютантъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауффана, и еще кое-кто изъ товарищей, и наши гостепріимные друзья—саперы накормиди и напоили насъ чаемъ за цѣлый день. Затѣмъ, дождавшись прибытія нашихъ верблюдовъ; пошелъ опять шумъ, возня, развьючиваніе этихъ кораблей пустыни, отыскиваніе мѣста для нихъ, разстановка палатокъ... Насытившись у саперовъ, я почувствовалъ, что усталость беретъ верхъ и меня сильно клонитъ ко сну. Тутъ меня ваяло раздумье: раздѣваться, или нѣтъ? Сдѣлавъ такой переходъ и не предвидя возмож-

ности появленія непріятеля, о близости котораго не имѣлось никакихъ признаковъ, я рѣшилась раздѣться и тотчасъ заснуть, какъ убитый.

Вдругъ, на утренней зарѣ, когда луна начинала уже потухать, саперный горнисть до такой степени неистово затрубить тревогу, что я вскопчилъ, какъ говорится, совершенно безъ памяти. Слуга мой уже подавалъ мнѣ платье, а татаринъ осѣдлалъ лошадь; я въ минуту былъ готовъ, и такъ какъ командующій войсками былъ близко, то вся главная квартира почти одновременно присоединилась къ нему. Князь Евгенийъ Максимиліановичъ былъ однимъ изъ первыхъ подъѣхавшихъ къ главному начальнику войскъ, а чрезъ пять минутъ подсказкалъ и, страдавшій лихорадкою, Великій Князь Николай Константиновичъ.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ впереди, а мы всѣ за нимъ, группу переѣзжали съ холма на холмъ, такъ какъ вся мѣстность состояла изъ крутыхъ возвышенностей и спусковъ. Всакавши, по мягкому песку, на первый высокой холмъ, намъ всѣмъ чрезвычайно ясно было видно, во-первыхъ, всѣ наши войска, стройно стоявшія на своихъ мѣстахъ; а, во-вторыхъ, съ помощію занимавшей зари и потухающей луны, мы могли рассмотреть и непріятеля. Онъ то раздѣлжалъ взадъ и впередъ, то собирался на мѣстѣ въ кучки, то внезапно бросался вскачь по направленію къ нашей позиціи, какъ будто дѣлая видъ, что хочетъ атаковать насъ; вѣроятно же онъ самъ сильно трусилъ выдвинутыхъ противъ его кучекъ стрѣльцовыхъ взводовъ.

Переѣзжая, во главѣ своей свиты, съ одного холма на другой, командующій войсками совершенно спокойно разсматривалъ всѣ движенія непріятеля и дѣлалъ необходимые распоряженія относительно высылки пѣхотныхъ частей впередъ, по направленію къ непріятелю; всѣ приказанія отдавались имъ тихо, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Тѣмъ большій контрастъ представляла его свита и адъютанты, скакавшие въ разныя стороны для передачи приказаній главнаго начальника.

Туркмены, между тѣмъ, въ виду насъ, продолжали творить разнаго рода эволюціи: и стрѣляли и собирались въ кучки, потомъ пускались съ гикомъ вскачь къ нашей позиціи; но такъ только раздавался залпъ какого нибудь изъ нашихъ стрѣльцовыхъ взводовъ, тотчасъ всѣ кучки разсѣивались во всѣ стороны. Я видѣлъ, какъ командующій войсками нѣсколько разъ отдавалъ приказанія Князю Евгению Максимиліановичу ѣхать къ выдвинутымъ взводамъ и давать

имъ направленія, соответственно измѣнявшимся движеніямъ непріятеля, и Его Высочество, всякій разъ, пусаясь съ мѣста во весь карьеръ, по крутымъ спускамъ и подъемамъ, съ быстротою и точностію исполнять возложенныя на него порученія.

Во время нашихъ переѣздовъ, на одномъ изъ фазовъ отряднаго расположенія, командующему войсками было доложено, что нѣсколько тюковъ отъ павшихъ дорогою верблюдовъ оставлены при небольшомъ прикрытіи, въ недалекомъ разстояніи отъ позиціи, и что, въ настоящее время, при появленіи непріятеля, они могутъ подвергнуться опасности. Командующій войсками подозвалъ къ себѣ генеральнаго штаба подполковника барона Каульбарса, обратившаго на себя вниманіе еще въ кудджинской экспедиціи, гдѣ онъ былъ раненъ въ рукопашной схваткѣ, и приказалъ ему взять одну изъ ротъ, чтобы отогнать непріятеля отъ нашихъ тюковъ. Съ холма, на которомъ мы находились, видно было, какъ баронъ Каульбарсъ повелъ роту въ сомкнутомъ строѣ по направленію къ непріятелю, и затѣмъ, оставивъ одинъ взводъ на возвышенности, которая командовала мѣстностию, гдѣ находились наши брошенные трупы и отсталые верблюды, пошелъ съ другимъ взводомъ на встрѣчу туркменамъ, которыхъ и разогналъ нѣсколькими выстрѣлами.

Часу въ пятомъ утра, непріятель былъ окончательно разсѣянъ, такъ что ни одного человѣка не оставалось вблизи нашего расположенія.

1-ю мая. Бивакъ на Адамъ-крылганъ. Названіе, данное урочищу Адамъ-крылганъ, занимающему песчаное пространство слѣшкомъ въ 60 кв. верстъ, въ переводѣ значитъ «гибель човѣческая». Однако, къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли и гдѣ отрядомъ генералъ-майора Бардовскаго были открыты колодцы, нельзя было въ точности примѣнить ужасающаго значенія этого названія. Но намъ необходимо было сдѣлать впередъ; намъ нужно было, во чтобы ни стало, скорѣе перейти открывавшееся передъ нами безводное пространство. По сдѣланному рассчету, основанному на имѣвшихся въ отрядѣ запасахъ, и на количествѣ состоявшихъ въ немъ людей и вьючныхъ животныхъ, весь переходъ этотъ надлежало совершить не иначе, какъ въ два раза; въ противномъ случаѣ результатомъ могла бы быть дѣйствительная гибель отряда.

Трудность предстоящаго перехода никого не обманывала: если движеніе наше отъ Халъ-ата къ Адамъ-крылгану, съ выдержанными лошадами и оправившимися (на Халъ-ата) верблюдами, — и притомъ, по мѣстности, не могшей идти въ сравненіе съ тѣмъ, что насъ жи-

дало впереди—было сопряжено съ большими тягостями, то возможно ли было питать увѣренность въ благополучномъ исходѣ нашего странствія по мертвой и знойной пустынѣ, и въ томъ, что въѣвъ намъ удастся увидѣть живыя воды Аму-дары? Притомъ, вчерашняя ночная тревога ясно показала намъ близость непріятеля, который не преминулъ бы воспользоваться предстоявшими намъ бѣдствіями....

Командующимъ войсками рѣшено было выступить съ настоящего бивака у Адамъ-крыглана въ три часа ночи и слѣдовать, безъ ночлеговъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы, пройдя верстъ двадцать при наступленіи сильной жары, останавливаться часовъ на семь или восемь, и потомъ опять двигаться далѣе. Въ часть по-полуночи, на Адамъ-крыгланъ былъ поданъ сигналъ подъема и въючки верблюдовъ. Въ третьемъ часу войска и верблюжий обозъ начали вытягиваться, перебираясь чрезъ безчисленное множество бархановъ; слѣдованіе войскъ подобаю настоящему, я полагаю, никогда не бывало. Люди, верблюды, артилерія утопали въ этомъ, по истинѣ, песчаномъ морѣ!... А отряду надо было идти по расчету, непремѣнно до девятаго часа утра. Когда же взошло солнце, а съ нимъ вѣсѣтъ наступила жара, то картина движенія нашего отряда приняла самый печальный колоритъ. Къ командующему войсками неоднократно приходили донесенія о страшной потерѣ верблюдовъ, валившихся сотнями, и о трудности движенія артилеріи. Генералъ фонъ-Кауфманъ, по временамъ, пропускалъ мимо себя войска, или самъ объѣзжалъ ихъ, и обозъ, не останавливая слѣдованія. Арьергарду было строгаише подтверждено, не останавливаясь въ пути, сжигать немедленно всѣ брошенные въюги, какъ казенныя, такъ и частныя. Опередивъ въ послѣдній разъ весь отрядъ, командующій войсками остановилъ авангардъ около десятаго часа утра съ тѣмъ, чтобы сдѣлать большой привалъ часовъ на шесть или на семь; во времени остановки авангарда, имъ было пройдено, по удостовѣренію съемочной партіи, 19½ верстъ отъ Адамъ-крыглана. Остальная войска и части, конвоирующія обозъ, подходили постепенно, но крайне медленно, опаздывая нѣсколькими часами, такъ что арьергардъ пришелъ на привалъ съ послѣдними верблюдами обоза къ шести часамъ вечера (слѣдовательно восьмью часами позже главнаго отряда), оставивъ по дорогѣ, на пространствѣ 19½ верстъ, около двухсотъ верблюдовъ.

Въ числѣ многихъ офицерскихъ верблюдовъ пали и мой два; на нихъ были мои вещи и два турсуна, наполненные водою, для меня, двухъ моихъ слугъ и двухъ лошадей, по расчету на весь переходъ до Аму-дары. Верблюды мои были сильные, доказательствомъ чего

служить то, что, во все время похода, они всегда приходили на привалъ или ночлегъ изъ числа первыхъ, и никогда не отставали. Когда пали мои верблюды, то завѣдующій обозомъ объявилъ моимъ людямъ, чтобы они старались перевьючить наши вещи хотя бы на ранѣе представшихъ верблюдовъ, валяющихся по дорогѣ; въ противномъ случаѣ, какъ только подойдетъ арьергардъ, вещи тотчасъ будутъ сожжены. Измученные сами, люди мои подбирали по дорогѣ нѣсколько разъ и по нѣскольку верблюдовъ, брошенныхъ передовымъ обозомъ, на которыхъ и раскладывали мои вещи; но всѣ эти бѣдныя животныя, сдѣлавъ версту, полторы, вновь ложились, падали и уже поднять ихъ не было никакой возможности. Такимъ образомъ, слуга мой, съ нанатымъ мною татаринномъ, подбирали и попережняли десятковъ до двухъ верблюдовъ. Наконецъ, почти въ виду самаго арьергарда, изъ трехъ верблюдовъ, на которыхъ тащились мои вещи, два легли окончательно. Тогда завѣдующій обозомъ сдѣлалъ было уже распоряженіе о преданіи огню моихъ пожитковъ, но слуга мой, видя, что это уже было не простой угрозой, потому что въ его же глазахъ сожгали даже казенныя вещи, и не зная какіе предметы моего имущества онъ можетъ, безъ моего позволенія, предать истребленію, рѣшился выбросить часть вещей своихъ и татарина и, наконецъ, такъ какъ самое тяжеловѣсное, по его словамъ, были турсуны съ водою, то онъ и изъ нихъ выпустилъ воду!... Хотя почтенный мой Семень и сдѣлалъ это «по простотѣ сердечной», но этимъ самымъ онъ поставилъ насъ троихъ и моихъ лошадей въ прескверное положеніе... Люди мои пришли на привалъ, одновременно съ арьергардомъ, къ шести часамъ вечера и, такъ сказать, тащили за собой двухъ верблюдовъ съ моими вещами, но воды ни капли, а разстояніе до Аму-дары, по гадательнымъ расчетамъ, полагали еще верстъ въ шестьдесятъ.

2-е мая. Продолженіе слѣдованія отъ Адамъ-крыглана; большой привалъ. Положеніе мое и большинства всѣхъ насъ, въ шесть часовъ вечера 2-го мая, совершенно отвѣчало прозвищу Адамъ-крыглана, т. е. гибели человѣческой.... Я, мои двое спутниковъ и наши лошади оставались безъ капли воды и, вдобавокъ, безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ!

Однако, какъ ни безнадежно было наше положеніе, но состояніе самаго отряда внушало еще болѣе тяжкія опасенія. Кромѣ сожженныхъ и зарытыхъ въ землѣ казенныхъ вещей, были брошены по дорогѣ, не доходя верстъ 10 или 12 до привала, и такіе предметы, безъ которыхъ отряду немислимо было обойтись, какъ, напримѣръ,

инженерный парк и артиллерійскіе снаряды. По распоряженію командующаго войсками, съ главной квартиры и съ пришедшихъ ранѣе на привалъ частей войскъ, немедленно было собрано до 100 болѣе вѣрливыхъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ и послали за оставленнымъ казеннымъ имуществомъ. Верблюды эти, дѣйствительно, доставили брошенное казенное имущество, но затѣмъ какъ сами они, такъ и остальные сотоварищи ихъ по отряду, еле могли передвигаться.

Въ такомъ положеніи, имѣя съ собою воды на какихъ-нибудь два дня, и не совершивъ даже полнаго перваго перехода, по расчету движения къ Аму-дарѣ, отрядъ не былъ въ состояніи слѣдовать далѣе; чувствуемый уже людьми и животными недостатокъ воды еще усугублялъ бѣдствіе!...

Представлявшаяся для рѣшенія вопросъ могъ поставить въ тупикъ кого угодно. Слѣдовать впередъ, значило бы растерять остальныхъ истомленныхъ животныхъ и лошадей, а самимъ оставаться въ этой отверженной Богомъ мѣстности и ожидать мучительной смерти отъ жажды и изнуренія. Стоять тутъ, гдѣ намъ данъ привалъ, было физическою невозможностью. Вернуться же отряду вслѣдъ не приходило никому въ голову. Да и мыслимо ли было бросить незаконченнымъ дѣло, къ которому мы все давно готовились, на которое съ напряженнымъ, а можетъ быть и съ злорадственнымъ, вниманіемъ устремлены были взоры всей Средней Азии, и за исходомъ котораго съ рѣдкимъ интересомъ слѣдили въ Европѣ?...

Времени терять было нельзя. Не зная опредѣлительно, какъ велико еще разстояніе до Аму-дары и не удастся ли открыть гдѣ либо воду въ окрестностяхъ нашего расположенія, командующій войсками рѣшилъ пока не трогаться съ мѣста и приказалъ приступить къ рытью колодезевъ на самой позиціи. Не только солдаты, но и всѣ мы съ понятнымъ рвеніемъ принялись за работу. Увы! старанія наши были тщетны: вода не показывалась. Въ это время одинъ изъ отрядныхъ джигитовъ сообщилъ, что верстахъ можетъ быть въ семи отъ насъ, но въ сторонѣ отъ пути, ведущаго къ Аму, должны находиться колодцы съ водою. Джигиту была обѣщана большая награда, и этотъ смѣльчакъ, изъ преданности ли къ русскимъ, или сознавая, что и ему не миновать общей гибели, посканчалъ, часу въ восьмомъ вечера, при лунномъ свѣтѣ, отыскивать предполагаемые имъ колодцы. Каждый понималъ, что отъ успѣха этого джигита зависѣла участь всего отряда. А между тѣмъ предпріятіе его было крайне рискованное: будь онъ пойманъ туркменами, головѣ его не миновать мѣшана, а намъ предстояло бы еще худшее....

Пока молодецъ этотъ рыщетъ, я опишу состояніе моего личнаго положенія, по которому можно судить и объ остальныхъ.

Прибывъ вмѣстѣ съ главнымъ квартирою и авангардомъ къ мѣсту привала въ десятомъ часу утра, я въ спокойномъ еще состояніи ожидалъ, что мои верблюды подойдутъ, можетъ быть, черезъ часъ или черезъ два, а пока пристроился къ сыну моему, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, также адъютантомъ генерала Кауфмана, майоромъ Адеркасомъ, дѣлали походъ вмѣстѣ. Зная, что каждый изъ нихъ принасъ собственно для себя бутылочку, другую воды, я, не смотря на страшную сухость въ гортлѣ, затруднявшую дыханіе, не рѣшился даже у сына попросить глотка изъ его бутылки. Вода у всѣхъ была рассчитана на дневную пропорцію какъ для себя и прислуги, такъ и для нашихъ лошадей; даже солдаты получали воду чаркою. Къ счастью, верблюды сына и Адеркаса пришли часа черезъ полтора послѣ нашего прихода. Наставили чайникъ, и я съ наслажденіемъ выпилъ двѣ чашки чая съ кислотою.

Не спавъ почти двѣ ночи сряду—эту ночь и ночь тревоги, и пробывъ около сутокъ безъ пищи, я думалъ было заснуть; но внутреннее безпокойство въ ожиданіи появленія моихъ людей отгоняло отъ меня сонъ. Проходитъ часъ, другой, проходитъ три часа, а мои верблюды все не показываются. А тутъ, какъ нарочно, поминутно приходятъ донесенія о надежѣ верблюдовъ, о гибели офицерскихъ и казенныхъ вьюковъ. Въ отвѣтъ на это летятъ приказанія лечь и истреблять менѣе нужныя вещи, а что найдено будетъ необходимымъ спрятать, то зарывать. Отправляютъ изъ авангарда и главной квартиры верблюдовъ за брошенными казенными вещами и, наконецъ, съчесть въ аріегардъ самъ начальникъ отряда, генералъ Головачевъ.

Истомленный духотою, невыразимо страдая жаждою, не видя появленія моихъ людей послѣ шести часоваго ожиданія, я начиналъ придти въ какое то убійственное нравственное состояніе.... Наконецъ, я воспрянулъ: съ подходомъ аріегарда къ мѣсту привала, я вдругъ увидѣлъ моего слугу, Семена, и татарина, еле-еле плетущихся, и тащившихъ за собой двухъ верблюдовъ. Эта минута была одною изъ самыхъ отраднихъ въ жизни. Но послѣ такой радости кто можетъ себѣ представить мое уныніе, когда люди объявили мнѣ, что они выжили воду изъ турсуковъ, побросали много своихъ вещей и часть моихъ?!..

Наконецъ, послѣ долгихъ объясненій, мой Семень сказалъ, что онъ сохранилъ мнѣ двѣ бутылки воды, а третью выпилъ самъ съ татаринкомъ. Когда онъ подалъ мнѣ бутылку съ водою, обшитою

кошмою, я не могу сказать, что я чувствовал. Прильнув губами къ горышку, я сталъ пить прямо изъ бутылки: вода была теплая, какъ изъ остроуи, не смотря на то, я нѣволью хватилъ много; но потомъ, опомнился, съѣзъ на свой оставшійся тюкъ и сидѣлъ, какъ сидѣлъ Марій, на развалинахъ Карфагена... Въ это время пошелъ сильный говоръ о томъ, что мы все-таки будемъ продолжать слѣдованіе и уйдемъ въ ночь; что приказано зарывать, истреблять и жечь всѣ лишнія вещи и что всѣ тяжести будутъ расчитаны на наличное число годныхъ верблюдовъ; притомъ, чтобы не обременять этихъ обезсиавившихъ животныхъ, рѣшено было, что каждый верблюдъ понесетъ половину того, что онъ несъ прежде, а пожалуй и того менѣе. Нѣкоторые предметы, дѣйствительно, стали зарывать въ землю, и вслѣдъ за тѣмъ, запылали и истребительные костры. Я также, какъ и другіе, самъ сталъ отбирать свои вещи, предназначенныя мною къ уничтоженію: сперва зарылъ желѣзную кровать, потомъ смегъ свой столикъ, табуретку, палатку, шинель, тюфякъ отъ кровати, нѣсколько кошешъ, оставивъ для себя только одну кошму и одну подушку и подъ конецъ истребилъ еще нѣсколько вещей изъ шатъа и даже изъ бѣлья....

Видъ отряда былъ довольно мрачный: изнуренная жарой и жаждой часть людей сидѣла въ задумчивости, ожидая чѣмъ разрѣшится наше положеніе, другая старалась найти во снѣ успокоеніе отъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Картина эта освѣщалась блѣднымъ свѣтомъ луны, взошедшей въ одинадцатомъ часу ночи надъ этой необозримой песчаной пустыней: она равнодушно взирала на то, что творилась, ни въ комъ не принимала участія, для всѣхъ одинаково свѣтила....

Вдругъ, съ песчаного холма, на которомъ стоялъ командующій войсками, съ главной квартирой, обѣгаетъ кто-то и, съ радостнымъ крикомъ, сообщаетъ, что посланный донести возвратился, отгнавъ колодцы съ водою не дагѣе семи верстъ отсюда!!.. Нужно было видѣть тотъ моментъ, когда весь людъ всполошился и вскопчилъ съ своихъ мѣстъ, услышавъ вѣсть, приносящую съ собою и бездростъ духа, и силы къ перенесенію новыхъ лишеній,—однимъ словомъ жизнь!

Извѣстіе это было привезено опять-таки человѣкомъ, который во весь походъ приносилъ намъ одну изъ самыхъ громадныхъ услугъ своими свѣдѣніями,—я говорю о нашемъ, такъ сказать, коловозомъ, подполковникѣ генеральнаго штаба баронѣ Аминовѣ. Грѣшно было

бы не отдать ему полной справедливости, такъ какъ человѣкъ этотъ былъ по истинѣ мученикомъ своей походной дѣятельности.

Получивъ донесеніе объ открытій колодцевъ въ сторонѣ отъ нашего расположенія, командующій войсками командировалъ подполковника генеральнаго штаба барона Кауцъбарера, съ сотнею казаковъ и ротую 8-го линейнаго баталіона, для занятія найденныхъ колодцевъ. Отряду приказано было вѣточиться и быть готовымъ къ выступленію въ первомъ часу ночи. Самъ же генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ главною квартирою и вся кавалерія, которая къ ночи прибыла къ намъ съ урочища Халъ-ата, опередили отрядъ и прибыли къ колодцамъ часа чрезъ полтора; отрядъ же со всѣмъ обозомъ подошелъ къ намъ лишь съ восходомъ солнца.

3-е мая, *Алты-кудукъ*. Подойдя къ колодцамъ, командующій войсками былъ встрѣченъ барономъ Кауцъбарсомъ, который доложилъ ему, что на Алты-кудукѣ найдено шесть колодцевъ съ водою, изъ которыхъ одинъ засыпанъ, и всѣ глубиною отъ 16 до 20 сажень. Какъ бы то ни было, но находка эта была для отряда точно манною небесною въ пустынь.

Какъ дать понятіе о настоящей мѣстности? Та же нескончаемая степь, но только съ несравненно болѣе глубокимъ и рыхлымъ пескомъ; никакой растительности, ни травинки, ни махѣшаго признака жизни.... Вся эта мѣстность вдоль и поперекъ пересѣкается барханами, оврагами и громадными наносами песку. Последній до того здѣсь рыхлъ, что нога углубляется въ него, по крайней мѣрѣ, на четверть аршина, а когда подуетъ вѣтеръ, или заверзеть ураганъ, то мятель, вздымая песокъ, творитъ такую тьму, что застигается солнце.

Едва только войска размѣстились на бивакѣ и колодцы были распрѣдѣлены между частями отряда, какъ толпы солдатъ обступили ихъ. Тотчасъ былъ водворенъ порядокъ: поставили часовыхъ, назначили офицеровъ дежурить у колодцевъ, а штабъ-офицеровъ главной квартиры наблюдать за послѣдовательнымъ порядкомъ отпуску воды въ части войскъ и разнымъ чинамъ отряда. Инѣшаяся въ турсукахъ вода была также роздана войскамъ какъ для варки пищи, такъ и для питья и поила лошадей, расчитывая на то, что турсуки могутъ быть наполнены свѣжимъ запасомъ воды изъ колодцевъ на весь переходъ до Аму-дарьи.

Цѣлый день былъ занятъ добываніемъ и отпускомъ изъ колодцевъ воды. Вычерпывая ея съ глубины до 20 сажень было весьма затруднительно, а между тѣмъ масса жаждущихъ солдатъ не давала

отбоа; независимо тѣхъ порцій, которыя отпускались въ части для варки пищи, начали отпускать уже воду по запискамъ изъ частей и по прилагаемымъ именнымъ спискамъ людей. Расходъ воды значительно превышалъ приходъ, т. е. накопленіе воды въ колодцахъ. Къ вечеру же убедились, что не только изурннныя животныя не могли быть вдоволь напоены, но что сами люди находились въ ужасныхъ страданіяхъ отъ недостаточности отпускаемой имъ воды. Наконецъ, къ довершенію злополучія, докладываютъ, что завтра въ эту пору, т. е. къ ночи, въ колодцахъ не станетъ ни капли воды. Съ самаго утра и въ продолженіе цѣлаго дня не переставали работать надъ разчисткою засыпаннаго колодца и надъ отрываніемъ по- выхъ, но время прошло въ напрасныхъ тяжелыхъ трудахъ! Положеніе отряда становилось отчаяннымъ.

Какъ быть, что предпринять? Какъ выйти изъ этого опаснаго кризиса?!.. Сужденіямъ, толкамъ и пересудамъ не было конца; жаль только, что всѣ мнѣнія, въ этомъ случаѣ, были столь же различны, какъ различны сами люди, изъ высказывашіе.

Командующій войсками созвалъ тогда совѣтъ, на который собрались генералы, начальники частей, офицеры генеральнаго штаба и, можетъ быть, еще нѣкоторые изъ болѣе опытныхъ личностей въ отрядѣ. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я не былъ приглашенъ, а потому достоверно и не знаю, что тамъ происходило, развѣ только по наслышкѣ. Результатомъ же совѣщанія было слѣдующее распоряженіе командующаго войсками: отправить въ ту же ночь всю кавалерію, всѣхъ артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, всѣхъ верблюдовъ отряда съ турсумами и деревянною посудою, могущею выѣщать воду, двѣ стрѣлковыя роты, одну роту 8-го баталіона и полроты саперовъ, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, на мѣсто прежней нашей стоянки на Адамъ-крылганъ, гдѣ тѣмъ же отрядомъ генерала Бардовскаго, нѣсколько дней тому назадъ, отрыта была вода въ изобиліи.

Отправленіе этого отряда давало, во-первыхъ, возможность остающимся на настоящемъ бивакѣ войскамъ извлечь изъ имѣющихся здѣсь колодезѣй совершенно достаточное для нихъ количество воды, а во-вторыхъ, отправляемая на Адамъ-крылганъ лошади и верблюды могли быть всѣ до-сыта напоены и, въ теченіе нѣсколькихъ дней отдыха тамъ, возстановить свои силы. Затѣмъ, наполнивъ водою всѣ турсуки и деревянную посуду на Адамъ-крылганѣ, отрядъ генерал-маіора Бардовскаго долженъ былъ вернуться къ намъ обратно, съ тѣмъ, чтобы, напоивъ еще разъ лошадей изъ здѣшнихъ уже колод-

цеизъ, немедленно выступить со всѣмъ туркестанскимъ отрядомъ къ Аму-дарьѣ.

Зачиная сегодняшній дневникъ, я не могу не высказать удивленія тому, какъ человекъ, а въ особенности русскій, въ состояніи переносить, выпадающія иногда на его долю, тяжкія страданія и лишенія! Цѣлые дни находиться въ душливой атмосферѣ, ходить по раскаленнымъ, сыпучимъ пескамъ и подъ палачими лучами солнца, неся на себѣ ружье и амуницію, и не имѣя возможности утолить мучительную жажду,—воля ваша, это такое испытаніе, преодолѣть которое дѣлаетъ величайшую и неоспоримую славу нашему богатую-солдату.

4-е мая, Аты-кудукъ. Отправленіе трехъ съ половиною ротъ, всей кавалеріи и всѣхъ артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, съ верблюдами, на Адамъ-крылганъ, дало возможность, на другой же день, возстановить силы оставшихся на настоящей стоянкѣ войскъ и всѣхъ насъ. Не слышно болѣе у колодезѣй людей, умолющихъ объ отпускѣ имъ хотя бы одной чарки, одного глотка воды: всѣ стали получать ее въ достаточномъ количествѣ, не только для приготовления пищи, но и для питья. Тѣмъ не менѣе, вода продолжала отпускаться не иначе, какъ по опредѣленной для каждого изъ чиновъ отряда порціи.

Къ полудню, отрядъ уже освѣжился, люди стали веселѣе и подвижнѣе. Къ вечеру, по приказанію командующаго войсками, перенесены были къ колодцамъ бывшіе съ нами понтоны, для наполненія ихъ водою, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи Бардовскаго, немедленно напоить изъ понтоновъ всю массу лошадей и верблюдовъ и двинуться уже въ дальнѣйшій путь съ той водою, которая должна быть привезена въ турсумахъ и деревянной посудѣ съ Адамъ-крылганана. Цѣлую ночь продолжалось выкачиваніе воды изъ колодезѣй въ понтоны, и когда, отработавшая свой урокъ смѣна возвращалась въ лагерь, то слышался уже веселый смѣхъ и солдатскія остроты на счетъ достатка воды: «пей, хоть до опьяненія!»...

5-го мая, Аты-кудукъ. Я проснулся сегодня въ восьмомъ часу утра: значительно подкрѣпивъ себя вчера утоленіемъ мучившей насъ всѣхъ жажды, я спалъ эту ночь какъ убитый, безъ просыпа, не взирая на то, что у меня нѣтъ уже ни кровати, ни тюфяка, ни другихъ принадлежностей, съ которыми люди привыкли соединять представленіе объ удобно проведенной ночи.

Лежа на кошмѣ, разостланной на поверхности глубочайшаго песку, мы съ барономъ Каульбарсомъ предаемся кейфу; но невзыравмая

жара и духота одолеваетъ до послѣдней крайности. Меня сильно раздражаетъ зависть и досада, что я не могу приспособиться и переносить всё лишения труднаго похода также бодро, какъ и баронъ Каульбарсъ. Хлѣба мы не имѣемъ уже около двухъ мѣсяцевъ; сухари, которыми мы питаемся, конечно, изъ хлѣба, но, все-таки, это далеко не то, что хлѣбъ. Правда, наши люди и солдаты достаютъ у сопровождающихъ насъ туземцевъ какія-то лепешки: это ничто иное, какъ блины, имѣющій четверти полторы въ диаметръ, приготовленный иной разъ на салѣ, а большею частью на водѣ; поверхность его какъ бы вся въ узорахъ отъ салыныхъ пятенъ и прилипшаго песку, а когда лепешки эти зачерствѣютъ, то онѣ также удобобѣдомы, какъ и всякая подошва. Не смотря на все мое желаніе, я не могъ проглотить куска этого мѣстнаго продукта; баронъ же Каульбарсъ ѣсть эти лепешки съ наслажденіемъ.

У колодцевъ хотя, по-прежнему, много солдатъ, но уже не страдающихъ и жаждущихъ, а занятыхъ выкачиваніемъ воды и плаваніемъ ея въ понтоны. Унылость и изнеуріе исчезли съ лица всѣхъ. Сегодня, вечеромъ, по всему биваку слышны были пѣсни солдатъ, видно было, какъ они въ палаткахъ принялись за свои обычныя хозяйственныя занятія: кто чинилъ рубашку, кто сапоги, а кто прочищалъ свои ружья отъ пыли и нанесеннаго песку. Когда жаръ немного спалъ, у ставки командующаго войсками играла музыка 3-го стрѣлковаго батальона; это чрезвычайно расѣвало офицеровъ и подбодряло солдатъ, которые устроили нѣчто въ родѣ гулянья на музыкѣ.

Вечеромъ же приведены были съ одного дальняго колодца два окованныхъ всадника, хорошо вооруженныхъ. Они были приняты за хивинцевъ или туркменъ, по потомъ оказалось, что это передовые люди каравана съ ячменемъ, посланнаго бухарскимъ эмиромъ командующему войскамъ. Мы всѣ были чрезвычайно рады, не столько ячменю, сколько верблюдамъ; потому что, если бы отъ насъ зависело, то, въ этомъ случаѣ, мы бы постигнули какъ Осипъ въ «Ревизорѣ», который, принимая подарки отъ купцовъ, не упускалъ брать и веревочку, говоря, что въ дорогѣ и веревочка пригодится; а намъ-то какъ могли бы пригодиться верблюды для перехода къ Аму-дарь!

6-го мая, Ашты-кудукъ. Сегодня четвертый день, какъ отрядъ генерала Бардовскаго выступилъ отсюда на Адамъ-крылганъ. Въ эти дни состояніе оставшихся здѣсь войскъ значительно измѣнилось къ лучшему: вернулась прежняя веселость и увѣренность въ каждомъ человѣкѣ, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія товарищей съ

Адамъ-крылгана, чтобы скорѣе направиться къ столь давно желанной великой рѣкѣ Средней Азіи. Тутъ же пришло и угѣшительное извѣстіе отъ генерала Бардовскаго о томъ, что кромѣ потери отъ изнеурія одной артиллерійской, двухъ казачьихъ лошадей и нѣсколькихъ верблюдовъ, отрядъ его дошелъ благополучно до Адамъ-крылгана; саперы отрыли тамъ еще не малое число колодцевъ, люди, повидимому, поправляются, и всѣ лошади и верблюды совершенно напоены. Всѣхъ колодцевъ на Адамъ-крылганѣ полагаютъ вырыть около 60, такъ что воды будетъ вполне достаточно для тѣхъ частей войскъ и транспортовъ, которые должны будутъ прибыть вслѣдъ за нами изъ Халъ-ата.

Между прочимъ, генералъ-маіоръ Бардовскій увѣдомляя, что прибытія на Адамъ-крылганъ транспорта съ провантомъ онъ ожидаетъ сегодня, къ вечеру, а завтра 7-го числа, полагаетъ принять его, и вечеромъ выступить къ намъ на присоединеніе. Это несказанно обрадовало всѣхъ насъ потому, что мы навѣрно рассчитывали, 8-го числа, въ ночь, двинуться со всѣми силами къ Аму-дарь.

Вслѣдствіе этихъ предположеній, командующій войсками призналъ необходимымъ командировать подполковника барона Амниова, съ полусотнею казаконъ отъ сборной сотни, подъ начальствомъ корнета Буренстама, на направленію къ Аму-дарь, для развѣдыванія предстоящаго намъ пути и сдѣланія легкой рекогносцировки мѣстности. Баронъ Амниовъ выступилъ сегодня, въ пять часовъ утра, и верстахъ въ семи отъ нашего бивака, боевыми патрулями его встрѣчилъ первоначально одинъ туркменъ, потомъ еще нѣсколько и, наконецъ, изъ-за бархана показалась кучка человѣкъ въ пятьдесятъ.

Баронъ Амниовъ поручилъ тотчасъ же нѣсколькимъ казакамъ захватить живьемъ, хотя бы одного туркмена; казакъ бросился въ догонку за неприятельскими всадниками. Корнетъ Буренстамъ, имѣя подъ собой хорошую лошадь, первымъ нагналъ на туркмена и нанесъ ему ударъ саблей, который тотъ, впрочемъ, успѣлъ отпарировать, и во весь опоръ помчался на своемъ борзомъ аргамакѣ; преслѣдуя его, корнетъ Буренстамъ выстрѣлилъ по нему три раза изъ револьвера, но не удачно. Скакавшій въ это время, на перерѣзъ туркмену казакъ, хотѣлъ его остановить, но получилъ легкій ударъ шапкою, что, однако, еще болѣе подзадорило казака, который все съ большею настойчивостію сталъ задерживать своего противника. Не надѣясь спастись бѣгствомъ, туркменъ выстрѣлилъ изъ ружья въ бока казаку, но пуля только скользнула по кожѣ, сдѣлавъ одну царапину; въ свою очередь и казакъ, раздраженный упорствомъ турк-

мена, и видя, что захватить его живымъ ему не удастся, пустилъ въ него свой зарядъ и положилъ турмена на мѣстѣ.

Во время этого же преслѣдованія шайки, одинъ урядникъ такъ лихо наскочилъ на турмена, что, не давъ ему опомниться, мигомъ выхватилъ у него ружье изъ рукъ. Остальные казаки, въ свою очередь, гнались за турменами, но не могли ихъ настигнуть, такъ какъ казаки лошади, изнуренныя походомъ и лишениями, далеко отступали въ быстротѣ свѣжимъ турменскимъ аргамакамъ; притомъ же, барону Аминову было приказано не увлекаться преслѣдованіемъ и не удаляться отъ лагеря.

Послѣ этого маленькаго эпизода, рассказы о которомъ нѣсколько разсѣяли нашу монотонную бивачную жизнь, остальной день прошелъ совершенно спокойно. Лошакъ спать, мы утѣшали себя надеждою, что, съ небольшимъ черезъ сутки, къ намъ вернется отрядъ Бардовскаго и мы, наконецъ, распрощаемся съ Алты-кудукомъ.

7-е мая, *Алты-кудукъ*. Вчерашняя ночь служила нѣкоторымъ отдохновеніемъ послѣ дневныхъ страданій отъ страшной духоты и 45° зноя....

Съ ранняго утра начинается жизнь въ лагерѣ. Солдаты наши уже забыли о перенесенныхъ ими мукахъ, и идутъ на работы весело и бодро: въ ихъ группахъ слышится бойкій говоръ и хохотъ, перемѣшанный иногда съ тихою русскою пѣсней, которая какъ-то особенно многозначительно звучитъ въ этой мертвой средне-азиатской глуши. Утренняя прохлада, если только можно назвать прохладою одну духоту безъ убійственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, продолжается недолго; въ песчаной пустынѣ солнце не медлитъ вступать во все свои права, чтобы расслабляющимъ образомъ дѣйствовать на организмъ человѣка. Но, не смотря на изнурительный жаръ, работы идутъ безостановочно; я называю работами продолженіе выкачиванія воды изъ колодезь и наливанія ея въ понтоны.

Въ теченіе сегодняшняго числа, получено было съ нарочнымъ донесеніе генерала Бардовскаго, которое немного смуглило насъ и заставило опасаться, что его отрядъ не соединится съ нами завтра, вслѣдствіе происшедшаго съ нимъ случая. Дѣло было такъ:

Вчера, 6-го числа, на утренней зарѣ, часовъ около четырехъ, пикетами генерала Бардовскаго замѣчено было приближеніе непріятеля двумя партіями, каждая, примѣрно, человекъ въ 200. Начальникъ отряда не велѣлъ даже трубить тревоги, а прямо выстроилъ отрядъ и выслалъ противъ каждой партіи по одному взводу. Вскорѣ къ двумъ турменскимъ шайкамъ присоединилась еще третья, также

человѣкъ въ 200, а потому, въ промежутокъ между обоими взводами, выдвинуть былъ еще одинъ, такъ что изъ трехъ взводовъ составила густая цѣпь. Турмены, какъ сказано въ донесеніи, начали очень смѣло бросаться на цѣпь, но были отражаемы выстрѣлами стрѣлковъ; видно было какъ у нихъ падали люди и лошади, и какъ турмены живо подхватывали своихъ убитыхъ и раненыхъ. Наконецъ, противъ непріятеля высланы были ракетная батарея и кавалерія; пушенными тремя ракетами вся эта нестройная толпа мгновенно разсѣялась, такъ что кавалерія нашей не удалось ударить на нее сомкнутымъ строемъ. Однако казаки, растянувшись сами въ длинную линію, пустились преслѣдовать турменъ и гнали ихъ на разстояніи четырехъ верстъ, по ужасному песку. Дѣло это, какъ доноситъ генералъ Бардовскій, продолжалось 2½ часа, что болѣе, или менѣе доказываетъ упорство турменъ. Плѣнными было взято два человѣка, изъ которыхъ одинъ раненый; убитыхъ турменскихъ лошадей насчитано до 47, но человѣческихъ труповъ не найдено, — всѣ, вѣроятно, были увезены.

Когда подвели плѣнныхъ, первыми словами ихъ была просьба дать имъ напитокъ, такъ какъ они уже три дня были безъ воды, потому что всѣ колодези въ этой страшной степи были заняты нами. Въ этомъ и заключалась причина, почему они, зная, что отрядъ нашъ раздѣлился, рѣшились такъ храбро атаковать занимаемые нами колодези; здѣсь, слѣдовательно, шла борьба за существованіе. По словамъ плѣнныхъ, нападавшая партія была подъ начальствомъ извѣстнаго своей отвагою и злѣйшаго врага русскихъ, киргиза Садыка; безпокоившія же насъ прежде партіи были не подъ его начальствомъ. Разстояніе отъ Адамъ-крыгана до Аму-дарыи, какъ увѣряютъ турмены, не болѣе семидесяти верстъ, такъ что отъ нашей собственно стоянки, Алты-кудука, остается до рѣки съ небольшимъ сорочъ верстъ, что было для насъ весьма утѣшительно. Далѣе, плѣнные показали, что, не доходя Аму-дарыи, на урочищѣ Учъ-чучакъ,* находилось недавно до 4,500 человекъ хивинскаго войска. Но когда ханъ узналъ о приближеніи оренбургскаго отряда къ Кунграду, то одна тысяча была отдѣлена отъ нихъ и послана на усиленіе войскъ, защищающихъ сѣверную часть ханства, такъ что собственно насъ ожидаютъ только 3,500 человекъ, готовыхъ дать намъ отпоръ. Мы же ждемъ лишь прибытія генерала Бардовскаго, чтобы выбраться изъ этой песчаной, безводной мѣстности, а тамъ, будь хивинцевъ хоть 30,000.

8-го мая, *Алты-кудукъ*. Съ самаго ранняго утра хотя солнце
T. LXXII. Отд. I

и подпекало по обыкновению, но дуть вѣтеръ и довольно свѣжій. Къ полудню же погода стала пасмурною, небо покрылось тучами, но безъ всякаго результата: а какъ мы всѣ жаждали дождя и какое бы это было для насъ благодѣяніе! Какъ мы жалѣли, что до сихъ поръ не возвращается отрядъ генерала Бардовскаго и мы упускаемъ такое великолѣпное время для марша.

Среди дня, наконецъ, получилось донесеніе генерала Бардовскаго, что завтра, 9-го числа, къ восьми часамъ утра, онъ присоединится къ намъ съ отрядомъ и приведетъ съ собою транспортъ провіанта, котораго ждалъ на Адамъ-крыганѣ. Послѣ полудня, погода нисколько не измѣнилась, но вѣтеръ сталъ все усиливаться и скоро поднялась муть. Наконецъ, по старой памяти, хватилъ такой ураганъ, что лагерь, палатки, тюки, ружья въ возлахъ и весь людъ, все покрылось песчанымъ, густымъ туманомъ, какъ будто кисеею. Не придумаешь выраженій, которыми можно было бы достаточно ярко изобразить картину песчаной мутели въ степи. Если, какъ повѣствуютъ, караваны бывали засыпаемы горами песка, и погибали подъ ними, то этому, по истинѣ, можно вѣрить.

Испеченные ежедневно солнечнымъ жаромъ, истомленные духотою, засыпанные пескомъ, мы провели всю ночь среди неообразимаго хаоса, лежа не трогаясь съ мѣстъ, накрытые кошмами и чѣмъ только попадо, оставаясь съ самаго полдня безъ ѣды; такъ какъ не только невозможно было развести огня или что либо приготовить, но рѣшительно ни за что нельзя было встать.

9-го мая. *Выступление съ Алаты-кудука.* Утро 9-го числа было свѣжее и хотя вѣтеръ дуть, но урагана не предвѣщало. Мы встали, обсыпанные пескомъ, которымъ, въ особенности, засыпаны были глаза, что не мало тревожило меня. Я хотѣлъ было умыться, но Семеть мой объявилъ мнѣ, съ какимъ-то особенно рѣшительнымъ тономъ: «Нѣтъ-съ, воля ваша, нельзя; воды потомъ не хватитъ». *Могъ ли я вообразить, что мнѣ придется испытывать когда либо нѣчто подобное: дрожать изъ за стакана воды, да въдъ какой? которую всякій дворникъ у насъ принялъ бы за помой. Я все-таки велѣлъ намочить себѣ полотенце и отеръ глаза.

Чай, который въ это утро подали мнѣ съ барономъ Каульбарсомъ, былъ желто-бурый и смахивалъ на какой-то кофе, солено-кисловатого вкуса. Мы спросили человека, отчего бы это было? Онъ отвѣчалъ, что сегодня, послѣ урагана, вся вода такая, и никакъ не можетъ отстояться.

Часовъ около восьми утра, прибылъ къ намъ въ лагерь и гене-

ралъ Бардовскій, съ отрядомъ и съ транспортомъ провіанта; посланные съ нимъ верблюды, артиллерійскія и офицерскія лошади вернулись также съ отрядомъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько лошадей не могли оправиться отъ долговременнаго изнуренія и погибли; въ томъ числѣ пала и моя лошадь. Верблюдовъ же, въ эти пять дней, погибло значительное количество. Тѣ же изъ нихъ, которые прибыли къ намъ, хотя отчасти оправившись отъ даннаго имъ отдыха и были вдвоемъ напоены, но все еще были слабы и число ихъ оказывалось уже недостаточнымъ для поднятія тяжести всего отряда.

Теперь намъ уже нечего терять ни минуты и съ заготовленнымъ запасомъ воды надо было скорѣе спастись изъ этихъ пещковъ и идти къ Аму-дарьѣ. Командующій войсками, первоначально, полагалъ двинуться всѣми силами, но, по полученіи отъ начальниковъ частей свѣдѣній, о количествѣ и состояніи верблюдовъ, рѣшилъ оставить на Алаты-кудукѣ двѣ роты пѣхоты, дивизионъ конной артилеріи и большое количество тяжести. Мѣра эта была чрезвычайно полезна въ томъ отношеніи, что выступающій отрядъ, за ослабленіемъ его только двумя ротами и однимъ дивизиономъ артилеріи, былъ, все-таки, на столько силенъ, чтобы не опасаться встрѣчи съ какимъ-бы то ни было противникомъ, а между тѣмъ, верблюды, взятые отъ остающихся на Алаты-кудукѣ частей войскъ и тяжести, служили большимъ подспорьемъ для дѣйствующаго отряда, и, на случай падежа вьючныхъ животныхъ, представляли достаточный запасъ для замѣщенія ихъ.

Итакъ, кромѣ двухъ ротъ пѣхоты и дивизиона артилеріи, мы, въ три часа пополудни, сего 9-го числа, снялись съ бивака на Алаты-кудукѣ и двинулись по направленію къ Учъ-чучаку и Аму-дарьѣ. Какъ только подошелъ часъ къ выступленію, погода совершенно разъяснилась, солнце начало жечь и воздухъ, по прежнему, сдѣлался удушливымъ. Слѣдованіе отряда, въ особенности артилеріи, по глубочайшему песку, пересѣжаемому бесчисленными барханами, слухами и подьемами, было неообразимо тяжелое: люди и лошади еле тащились. Видны были немощныя уснія, которыя напрягали бѣдныхъ животныхъ, чтобы освободиться, вырваться изъ этого вязкаго, расналенного грунта. Солдаты тянулись съ весьма бодрымъ духомъ; видно было общее усердіе и рвеніе скорѣе добраться до Хивы. Идя подлѣ орудій, чуть только замнутъ лошади, всѣ, не ожидая приказаній, и передавая ружья товарищамъ, бросались помогать и тащить за ямки. Верблюды, однако, крайне уставали и ихъ опять перепекало не малое количество, но, на этотъ разъ, падающіе замѣтились тотчасъ свѣ-

жими верблюдами изъ запаса, почему ни одного тюка не было брошено. Взамѣнъ падшихъ моихъ двухъ верблюдовъ, по приказанію начальника отряда, выдали мнѣ одного казеннаго, на которомъ и дотащились всѣ мои пожитки.

Съ заходомъ солнца, слѣдованіе наше несравненно облегчилось и, къ девяти часамъ вечера, мы благополучно прибыли на ночлегъ, сдѣлавъ 17 верстъ съ трехъ часовъ по полудни.

Истомленный жарой, я совершенно потерялъ аппетитъ и меня ежеминутно позывало къ питью, тѣмъ болѣе, что ротъ, горло, языкъ совершенно пересохли. Но теперь я имѣлъ при себѣ спасительное средство: къ сѣдлу моей лошади привязана была бутылка, обтянутая кошмой и наполненная холоднымъ чаемъ, съ кислотою; къ ней-то я, то и дѣло, прилаживался во все время перехода. По приходѣ на ночлегъ, я все таки велѣлъ поставить чайникъ и выпить двѣ чашки чаю; болѣе этого ни я, ни баронъ Каульбарсъ не смѣли выпить, потому что надо было подѣлиться изъ того же чайника съ нашими людьми. Вода у всѣхъ насъ была по опредѣленному ранѣе расчету, такъ что и наши бѣдныя лошади не могли быть напоены, и лишь на другой день, по сдѣланію новаго перехода, онѣ, наравнѣ со всѣми казенными лошадьми въ отрядѣ, получили въ награду за свое долготерпѣніе по ведру воды.

Лагерь подъ Хивою
29-го мая 1873 года.

Полковникъ Колокольниковъ.

(Продолженіе будетъ).

П.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Осада большихъ крѣпостей въ будущемъ (Militär-Wochenblatt).

Въ берлинской военной газетѣ «Militär-Wochenblatt» помѣщена весьма интересная статья о новыхъ основаніяхъ веденія крѣпостной войны вообще, сообразно тѣмъ существеннымъ, кореннымъ измѣненіямъ условій этого дѣла, которыя, въ извѣстной степени, уже начинаютъ выясняться для будущаго изъ опыта послѣднихъ большихъ войнъ.

Въ сочиненіи «Идеи объ осадѣ» («Ideen über Belagerungen»), вышедшемъ изъ-подъ пера принца Гогенлоэ-Ингельфингенъ, высказана, между прочимъ, мысль, что хотя данныя, вытекающія по этому дѣлу изъ богатаго опыта новѣйшаго времени, еще не на столько разработаны, чтобы представить собою законченную теорію крѣпостной войны будущаго, но что тѣмъ не менѣе весь этотъ опытъ убѣдительно доказываетъ, что осада крѣпостей будетъ и должна производиться на новыхъ началахъ. Въ настоящее время, еще не имѣется весьма важной данной, именно изслѣдованія о правильныхъ осадкахъ большихъ крѣпостей, какъ, напримѣръ, Парижа. Въ послѣднюю войну мы видимъ Страсбургъ, совершенно устарѣлую крѣпость, а передъ Мецомъ и Парижемъ только обложеніе этихъ крѣпостей, а не правильную осаду. Хотя осада Бельфора и представляетъ собою приблизительную картину атаки современнаго укрѣпленнаго лагеря, тѣмъ не менѣе и эта осада не выясняетъ дѣла вполнѣ, такъ какъ форты этой крѣпости обнимали слишкомъ малый районъ, вслѣдствіе чего

Т. LXIII. Стгд. II. 7

175-5-1.
ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1873

ствія; 12-ти или 15-дневный возился за войсками, а 5-ти или 8-дневный люди имѣли на себѣ.

Изъ повозокъ всего болѣе въ употребленіи находились: квартирмейстерскіе вагоны и маленькія госпитальныя повозки. Для перевозки войсковыхъ, офицерскихъ и штабныхъ тяжестей, фуража, мундирныхъ, лагерныхъ вещей и даже боевыхъ запасовъ употреблялись почти, исключительно, квартирмейстерскія повозки. 5-ти или 8-дневный запасъ продовольствія носился людьми въ ранцахъ и въ мѣшкахъ; съютъ для мясныхъ порцій гнался за колоннами. Каждая повозка везла, на нѣскольکو дней, фуражъ для своихъ муловъ. Квартирмейстерскіе вагоны слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ войскъ, чтобы не стѣснять ихъ движенія; при войскахъ же непосредственно находились легкія госпитальныя повозки на ресорахъ, запряженные парю лошадей; повозки эти, отвезя назадъ больныхъ, возвращались къ войскамъ, обыкновенно нагруженные провіантомъ, патронами, шанцевымъ инструментомъ и проч., получаемыми ими изъ большаго транспорта. Всѣ обозы находились въ вѣдѣніи квартирмейстерской части, имѣвшей весьма обширные размѣры. Общая картина движенія принимала часто слѣдующій характеръ: армія медленно подвигалась впередъ, приучивая свое движеніе или къ морю, или къ обширной рѣкѣ. Значительный флотъ, нагруженный всѣми видами довольствія, сопровождалъ ея движеніе, а многочисленная канонерская флотилія охраняла этотъ транспортъ.

Быстро подынялись по рѣкамъ и ихъ притокамъ, канонерки очищали путь для судовъ, слѣдовавшихъ за ними, чтобы образовать склады разныхъ видовъ довольствія. Изъ этихъ магазиновъ нагружался большой войсковой транспортъ и, въ свою очередь, снабжалъ легкія госпитальныя повозки, подходившія отъ войскъ. Большой транспортъ, снабдивъ войска всѣмъ необходимымъ, приближался снова къ флоту, поднимавшемуся къ нему на встрѣчу. Часто роль флота играли желѣзныя дороги, и тогда можно было наблюдать столь же характеристическую картину движенія арміи, какъ и предъидущая (*).

(Окончаніе будетъ.)

3-й конно-артиллерійской бригады
штабс-капитанъ Пузыревскій.

(*). Опытъ американской войны убѣдилъ, что для возки тяжестей, мулы гораздо лучше лошадей, почему послѣднія и были переданы въ кавалерію и артилерію.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ХИВУ ВЪ 1873 ГОДУ.

ОТЪ ДЖИЗАКА ДО ХИВЫ.

(Полодный дневникъ).

(Окончаніе) (*).

10-е мая. Ночлегъ на пути къ Учъ-чучаку. Съ разсвѣтомъ, мы тронулись впередъ. Идти было лучше потому, что не было еще ни жары, ни духоты, когда мы выступили; но съ другой стороны, глубочайшій песокъ представлялъ страшныя трудности для слѣдованія войскъ. Мы шли съ четырехъ до девяти часовъ утра и подъ конецъ стали чувствовать порядочную усталость, вслѣдствіе усилившейся духоты. Въ девять часовъ командующій войсками остановилъ движеніе, стаянулъ всѣ части, и отрядъ расположился на отдыхъ, слѣлавъ 11 верстъ. Мы составили каре, въ средину котораго помѣщены были развьюченные верблюды; здѣсь намъ дали шестичасовой привала, въ продолженіе котораго люди отдохнули, погладили сухарей, запыная отмирною дозою воды и, на сколько было возможно, покормили животныхъ.

Въ третьемъ часу по полудни, мы выступили съ привала, напоивъ предварительно лошадей изъ турсуковъ, а верблюдовъ оставивъ безъ поила, по неизмѣнно для нихъ воды, и рассчитывая, что они могутъ обойтись безъ нея до выхода на Аму-дарью. Пройдя около пяти верстъ, отрядъ нашъ былъ остановленъ для ночлега, хотя въ первоначальныя предложенія командующаго войсками и не входило дѣлать такой малый переходъ. Причина же нашей преждевременной остановки въ этотъ день заключалась въ слѣдующемъ: вскорѣ послѣ выступленія съ привала стали замѣчать частое появленіе одиночныхъ неприятелей въ разныхъ направленіяхъ. Начальникъ отряда,

(*). См. № 8 «Воен. Сборн.»

генералъ Головачевъ, первый, замѣтившій близость непріятели, подѣхалъ къ командирующему войсками, и вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли какъ онъ понесся со своею свитою впередъ. Версты черезъ двѣ, генералъ Головачевъ остановился съ своимъ штабомъ и кошовомъ на довольно большой возвышенности и значекъ послѣдняго былъ, какъ будто съ намѣреніемъ, выставленъ къ нашей сторонѣ, т. е. къ сторонѣ отряда.

Командующій войсками, замѣтивъ начальника отряда, остановившагося на возвышеніи, не дожидая отъ всѣхъ насъ и въ первый разъ за все время похода, вдругъ пустилъ свою лошадь большою рысью; за нимъ, конечно, пустились и мы; но такъ какъ онъ ѣхалъ крупною рысью, то намъ, по большей части, пришлось гнаться за нимъ вскачь. Не дожывая съ полверсты, или не много болѣе, до той возвышенности, на которой ожидалъ насъ генералъ Головачевъ, мы почти тѣмъ же алоромъ внезапно спустились, до довольно крутому обрыву, въ обширную песчаную ложину, пробѣжавъ которою, поднялись на противоположный ей берегъ и присоединились къ началнику отряда.

Съ крутой возвышенности, на которой мы стояли, намъ въ первый разъ удалось увидѣть непріятели въ большихъ массахъ, саженьяхъ въ шести или семистахъ отъ насъ; казалось, онъ съ большою увѣренностію намѣревался противустать намъ.

Командующій войсками, признавая неудобнымъ начинать дѣло вечеромъ и, находя мѣстность весьма подходящею для расположенія на почлегъ, приказалъ стягивать войска по мѣрѣ ихъ приближенія. На возвышенности, гдѣ мы находились, расположили 1-ю роту 1-го стрѣльцоваго баталіона. Къ правому флангу этой роты у самого обрыва, или слуска къ узенькой дорожкѣ, которая раздѣляла нашу возвышенность отъ такой же другой, ввезли одно орудіе коннаго дивизиона батареи подполковника Перельгина; дивизионъ этотъ, во время марша, слѣдовалъ имено по этой узкой тропѣ, раздѣляющей двѣ помянутыя возвышенности. На самой тропѣ было поставлено второе орудіе, а на покатоистъ сѣвѣйшей возвышенности установлены были остальные два орудія коннаго дивизиона и двѣ картезицы, которыя примыкали къ лѣвому флангу 2-й стрѣльцовой роты того же 1-го баталіона, расположенной на второй возвышенности, и на одной линіи съ 1-й стрѣльцовой ротою. Линія эта составляла передній фасъ нашего расположенія, обращенный фронтонъ къ появившемуся предъ нами непріятели. Остальные фаса составляли: правый—одна саперная и двѣ роты 4-го стрѣльцоваго баталіона;

задній фасъ—двѣ роты 2-го стрѣльцоваго баталіона и два горныхъ орудія и, наконецъ, лѣвый фасъ—одна рота 8-го и двѣ роты 4-го линейныхъ баталіоновъ. Кавалерія, въ количествѣ 7 сотень, находилась вся за заднимъ фасомъ.

Командующій войсками, вся главная квартира, начальникъ отряда, штабы и весь обозъ расположились въ той обширной ложинѣ, изъ которой мы поднялись на возвышенность, указанную генераломъ Головачевымъ, т. е. почти у самого подъема къ переднему фасу. Я, подполковникъ баронъ Каульбарсъ и сотникъ баронъ Штакельбергъ расположились все вмѣстѣ на самой возвышенности, въ нѣкоторомъ разстояніи позади 1-й стрѣльцовой роты, и такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то мы почевали подъ открытымъ небомъ.

Какъ только успѣли установить войска въ каре, и выставить передъ каждымъ фасомъ шикеты, непріятель открылъ по послѣднимъ ружейный огонь. Наши отвѣчали, конечно, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ противникъ, такъ какъ убивали у него и лошадей, и вѣдчиковъ; при каждомъ такомъ случаѣ, перестрѣла умолкала, потомъ вновь возобновлялась и хотя изрѣдка, но продолжалась, съ самаго вечера, почти во всю ночь.

При наступленіи вечерней зори, когда было еще довольно свѣтло, начальникъ отряда просилъ позволенія командирующего войсками съ зоревой пушкой послать непріятели гостиницу, но генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ не разрѣшилъ этого, и выстрѣлъ былъ сдѣланъ холостымъ зарядомъ. Турмены, слыша сильный ударъ изъ орудія, обращенный въ ихъ сторону, но не чувствуя никакого вреда отъ него, полагали, вѣроятно, что и наши выстрѣлы столь же неудачны, какъ и ихъ; намъ показалось, что они еще болѣе приободрились послѣ того, такъ какъ не переставали понаивнать во всю ночь, думая этимъ пугать насъ.

Я сталъ было уже засыпать, какъ внезапный свистъ пули надъ головой заставилъ меня проснуться; полагая, что непріятель, быть можетъ, приблизился къ намъ, я всталъ и подошелъ къ 1-й ротѣ стрѣльцовъ и къ орудію. Но, кромѣ часовыхъ, все лежало, и на мой вопросъ артиллерійскій часовой отвѣчалъ: «дурятъ, ваше высокоблагородіе, собани». Черезъ нѣсколько времени я вторично услышалъ такой же свистъ, но уже лѣтъ было встать; я только прислушался, не встали ли наши, а потомъ заснулъ и проснулся только тогда, когда ударили подъемъ.

11-е мая. Близъ урочища Учъ-чунакъ. Часу въ четвертомъ утра все стали подниматься и тотчасъ вычигаться. Выстрѣловъ съ

неприятельской стороны уже не было слышно; однако, туркмены виднѣлись въ большихъ массахъ за дымившимися еще кострами, которые они развели съ вечера на большомъ пространствѣ, съ цѣлью, вѣроятно, утратить насъ своею камушеною многочисленностью. Мы также производили свои сборы къ выступленію съ ночлега при догоравшихъ огняхъ. Я, бароны Каульбарсъ и Штагельбергъ остались безъ чая собственно потому, что, находясь въ совершенномъ невѣдѣніи относительно величины разстоянія до первой воды, мы берегли ее для нашихъ лошадей.

Какъ только все было готово въ лагерѣ, командующій войсками выѣхалъ на передній фасъ къ 1-й стрѣлковой ротѣ, повдоровался съ людьми и, обозрѣвъ неприятельскую позицію, сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ наступленіи.

Движеніе наше произведено было почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ мы были расположены на почлегѣ, т. е. въ каре, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что упомянутыя двѣ роты 1-го стрѣлковаго баталіона, выславъ въ цѣпь по одному взводу, двигались за цѣпью въ сомкнутомъ строю; въ промежуткѣ между ротами шла казачья полусотня. За этой передовой линіею ѣхали командующій войсками, вся главная квартира и начальникъ отряда, генералъ Головачевъ, со своей святою. Вслѣдъ за передовой линіею, по той дорогѣ, которая, какъ я выше сказалъ, раздѣляла одну возвышенность отъ другой, слѣдовалъ дивизионъ конной артиллеріи въ одно орудіе, за нимъ двѣ картечицы и правѣе ихъ— два горныхъ орудія, выдвинутыя нѣсколько впередъ. За артиллерію наступали по-ротно, во взводныхъ колоннахъ, саперная рота и рота 2-го баталіона, а немного правѣе, собственно за горными орудіями, слѣдовала стрѣлковая рота 8-го баталіона. Поводи этихъ частей войскъ двигался весь вьючный обозъ, въ количествѣ слишкомъ 1,200 верблюдовъ, въ большой, но, на сколько возможно, сжатой колоннѣ. Правая сторона обозной колонны была прикрыта одною ротою 4-го стрѣлковаго баталіона, изъ которой былъ разсыпанъ въ цѣпь одинъ взводъ, и цѣпь эта соединялась съ цѣпью передняго и задняго фасовъ. Другой же взводъ этой стрѣлковой роты слѣдовалъ въ сомкнутомъ строю по-полувзводно: одинъ полувзводъ равнялся съ годовою колонны обоза, а второй—держался на линіи срединны обоза. Далѣе, за этими сомкнутыми полувзводами шло пять полусотенъ казаконъ, полусотня за полусотнею, на такихъ дистанціяхъ, что послѣдняя, или пятая полусотня равнялась съ хвостомъ колонны обоза. Лѣвая сторона обоза была прикрыта точно такимъ же порядкомъ, одною ротою того же 4-го стрѣлковаго баталіона и 4¹/₂ сотнями казаконъ; изъ этой

стрѣлковой роты одинъ взводъ также былъ вызванъ въ цѣпь, прикрывая лѣвую сторону колонны обоза и соединяясь съ цѣпью передняго и задняго фасовъ. Послѣдній фасъ, или хвостъ колонны, былъ прикрытъ одною ротою 2-го линейнаго баталіона, одинъ взводъ которой былъ разсыпанъ въ цѣпь, и фланги его смыкались также съ флангами цѣпей, прикрывавшихъ правую и лѣвую стороны обозной колонны. Наконецъ, самый хвостъ колонны замыкался взводомъ горныхъ орудій. Такимъ образомъ, вся громадная масса обоза была охвачена со всѣхъ сторонъ цѣпью стрѣлковъ, а въ срединѣ его находились части войскъ въ сомкнутомъ строю, всегда готовыя отразить всякое нападеніе неприятеля.

Только что у насъ былъ данъ сигналъ къ движенію впередъ и мы тронулись съ мѣста, какъ тотчасъ же завязалась перестрѣлка въ цѣпи. Туркмены затѣяли эту стрѣльбу, какъ бы имѣя въ виду занять насъ ею, а между тѣмъ было ясно, что они собирались въ разныя кучки противъ всѣхъ нашихъ фасовъ. Всѣ свои эволюціи они довершили тѣмъ, что вдругъ стали бросаться на насъ въ атаку съ умаснѣвшими криками, весьма неприятно дѣйствующими, въ первое время, на нервы. Самыя сильныя нападенія, какъ мнѣ казалось, были произведены на задній и правый фасы колонны и на правый уголъ передняго фаса. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ неприятель бросался на нашъ отрядъ, онъ былъ встрѣчаемъ учащенною стрѣльбою цѣпи, а сомкнутые полувзводы поражали его залпами. Кромѣ того, когда туркмены собирались въ болѣе значительныя массы для нападеній, тогда пускался въ ходъ орудійный огонь, который разметалъ ихъ скопища, какъ щепки.

Въ томъ же порядкѣ мы продолжали тѣснить неприятеля, подавая все впередъ, хотя и не скоро, потому собственно, что верблюды, и безъ того отстающіе при обыкновенномъ движеніи, могли бы, во время боеваго марша, растянуться еще болѣе и затруднить наше слѣдованіе.

Такимъ образомъ, мы продолжали наступать, отбивая туркменскія нападенія, обходящіеся имъ каждый разъ весьма дорого, и не замѣчая, какъ проходило время. Сдѣлавъ около 9 верстъ, мы вдалекѣ увидели огромную массу воды, которую первоначально приняли было за рѣку Аму-дарью. Но оказалось, что это еще не она, а большое озеро, называемое *Сардаба-кулъ*. Можетъ ли представить себѣ кто-нибудь всеобщій восторгъ и радость, охватившіе нашъ отрядъ при видѣ этого озера, въ которомъ и люди, и животныя могли найти обычное удовлетвореніе такъ долго мучившей ихъ жаждѣ?!... Про странствовавъ въ голодной и безводной пустынѣ, мы, наконецъ,

стояли у порога обѣтованной для насъ земли... Чтобы понять то, что мы ощущали въ эту минуту, надо вспомнить, что отъ самаго Чиназа, гдѣ мы переправились чрезъ Сырь-дарью, и до теперешаго мѣста, на протяженіи 800, если не болѣе, верстъ, мы не видали воды, потому что этимъ именемъ нельзя назвать водянистую жидкость, которую мы добывали изъ попутныхъ колодезевъ. Страшно даже вспомнить о, такъ называемой, водѣ въ этихъ кудукахъ!...

Озеро Сардаба-куль лежитъ близъ урочища Учъ-чучакъ, противъ котораго въ нѣсколькихъ саженихъ находятся древнія развалины рабата, который былъ построенъ хивинскимъ государемъ Абдулла-ханомъ; такіе рабаты строились прежде во всѣхъ средне-азиатскихъ ханствахъ на важнѣйшихъ караванскихъ путяхъ для пріюта путешественниковъ; однимъ словомъ, они имѣли назначеніе нашихъ постоялыхъ дворовъ.

Неприятель, ждавшій насъ на Сардаба-куль, составлялъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, только авангардный отрядъ хивинскихъ споничъ; какъ мы узнали впоследствии, отрядъ, назначенный защищать Хиву съ восточной стороны, ждалъ насъ у Сардаба-куля около двухъ мѣсяцевъ и отсюда высылалъ противъ насъ свои партіи для развѣдокъ и ночныхъ нападѣній на наши войска. Здѣсь же онъ рѣшился, по видимому, дать намъ послѣдній отпоръ и задержать наступленіе наше къ Аму-дарьѣ, на берегу котораго расположенъ былъ главный неприятельскій лагерь.

На возвышенностяхъ Учъ-чучака, тѣсняемые нами туркмены стали стягивать свои силы и сосредоточивать главную массу ихъ противъ праваго угла передняго и праваго нашихъ фасовъ. Маневръ этотъ не укрылся отъ глазъ командующаго войсками, который тотчасъ же отдалъ приказаніе выдвинуть конныя орудія батареи подполковника Перельгина противъ стягивавшейся массы неприятеля. Орудія расположились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился самъ командующій войсками и главная квартира; я случайно очутился около тѣваго орудія. Пока они устанавливались на небольшой песчаной возвышенности, неприятель продолжалъ перестрѣлку и, вѣроятно, не безъ намѣренія мѣтилъ въ ту кучу, гдѣ ему былъ видѣнъ значекъ командующаго войсками, справедливо разсчитывая, что тутъ долженъ находиться главный начальникъ нашихъ войскъ: одна изъ самыхъ большихъ картежныхъ пуль, пушенная туркменами изъ фальконета, пролетѣла чрезъ наши головы съ пронзительнымъ свистомъ. Въ это самое время, наши орудія пустили по картечной гранатѣ въ массу собравшихся туркменъ; за оглушительнымъ звукомъ нашихъ орудійныхъ

выстрѣловъ послышались, въ сторонѣ туркменъ, разрывные удары упавшихъ среди нихъ гранатъ, и вслѣдъ загѣмъ поднялись облака пыли и пелесу, которыя сырлы отъ насъ неприятеля. Когда столбъ пыли разсѣялся, впереди лежащая мѣстность была уже совершенно очищена отъ неприятеля.

Поблагодаривъ орудишную прислугу за мѣткость стрѣльбы, командующій войсками приказалъ взять орудія на передки и мы двинулись къ озеру Сардаба-кулю. Подойдя къ послѣдшему, войска были остановлены. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ объѣхалъ всѣ части отряда, благодарилъ людей за ихъ молодецкую службу, поздравляя всѣхъ съ благополучнымъ выходомъ изъ пелесовъ и высказалъ вполнѣ заслуженныя похвалы за перенесеніе войсками столь тяжкихъ трудовъ, сопряженныхъ въ послѣднее время съ неслыханными, безпримѣрными лишениями.

Пѣхотѣ приказано было остаться на нѣсколько часовъ близъ озера и сварить себѣ пищу изъ свѣжей воды, которой никто изъ насъ не видалъ съ 12-го марта. Тутъ же были оставлены и верблodus для отдыха и пошла, такъ какъ они уже четыре дня не получали воды. Начальство надъ оставленными пѣхотою, артилеріею и обозомъ было поручено генералу Бардовскому, который, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, долженъ былъ привести весь отрядъ къ Аму-дарьѣ, до которой оставалось около десяти, если не менѣе, верстъ.

Командующій же войсками, вся главная квартира, начальникъ отряда, генералъ Головачевъ, и вся кавалерія, пошли прямо къ Аму-дарьѣ. На походѣ, командующій войсками выслаалъ впередъ для развѣдокъ о неприятѣ большую часть кавалеріи, подъ начальствомъ подполковника Гавацаго и Ихъ Высочествъ Великаго князя Николая Константиновича и князя Евгения Максимиліановича.

Пройдя нѣсколько верстъ, нашимъ взорамъ представилась еще издали серебристая полоса великаго рѣки Средней Азии и вскорѣ мы приблизились къ берегу Аму-дары, открывшейся намъ теперь во всей своей красотѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, бивакировалъ передъ тѣмъ нашъ неприятель, который бѣжалъ и оставилъ послѣ себя одни только сѣтенные изъ кустовъ шалаши; за нимъ-то направилась наша кавалерія.

По прибытіи къ рѣкѣ, командующій войсками сошелъ съ лошади и мы всѣ послѣдовали его примѣру. Въ этомъ мѣстѣ Аму-дарья имѣетъ около двухсотъ сажень ширины или нѣсколько болѣе; но въ другихъ мѣстахъ она ушпрятаетъ до двухъ верстъ, а теченіе въ са-

момъ русскѣ, даже въ обыкновенное тихое время, чрезвычайно быстро; глубина рѣки очень большая, хотя мѣстами встрѣчаются и мели.

Не могу передать того чувства, съ которымъ мы взирали на эту величественную массу водъ, еще такъ недавно, въ тяжелыя минуты, бывшую предметомъ вѣхъ нашихъ упований и надеждъ. Здѣсь, на берегахъ Аму-дарьи, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстахъ, вдали отъ отечества, въ самой глубинѣ варварской Азій, куда, со временъ Александра Македонскаго, не проникала ни одна европейская армія, стоятъ теперь небольшой русской отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ боровшіе съ самою ужасною, безжизненною природою, съ страшными ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и вышедшіи побѣдителями изъ вѣхъ выпавшихъ на его долю нечеловѣческихъ испытаній. Эта мысль, невольно занимавшая, въ данную минуту, каждого изъ насъ, возвышала духъ и вселяла какой-то трепетъ благоговѣнія предъ этимъ простымъ человѣкомъ, называемымъ русскимъ солдатомъ, для котораго, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго... Честь и хвала русскому воинству въ лицѣ нашего отряда, и слава главному вождю дѣйствующихъ противъ Хивы войскъ! Задача была одна изъ самыхъ тяжелыхъ, когда либо представшихъ военачальнику. Я не беру съудить о сдѣланныхъ, быть можетъ, въ этомъ случаѣ ошибкахъ, свойственныхъ, впрочемъ, каждому человѣку; но знаю то, что въ то время, когда отряду грозило страшное бѣдствіе, нужно было имѣть много характера, чтобы не растеряться и сохранить то невозмутимое спокойствіе, которое выказано было генералъ-адъютантомъ фонъ-Клауфманомъ. Никто также не можетъ не отдать ему полной справедливости въ томъ, что во все время тяжелаго для вѣхъ похода, отличительною чертою главнаго начальника экспедиціи была постоянная заботливость и попеченіе о войскахъ. Наконецъ, раздѣляя наравнѣ со всѣми все, что только приходилось переносить отряду, онъ, своей неутомимою дѣятельностію и распорядительностію, такъ или иначе, но привелъ ввѣренный ему отрядъ къ указанной Высочайшею властью цѣли и покрылъ русское оружіе новымъ вѣнкомъ неувдаемой славы.

Достигнувъ береговъ Аму-дарьи, мы, конечно, съ жадностію бросились тотчасъ пробовать ея воду. Вкусомъ вода оказалась весьма не дурною, но была нѣсколько мутна. Можно было подумать, что Аму возмущается, видя свои берега освещенными присутствіемъ европейскихъ воиновъ....

Командующій войсками располагалъ ожидать у берега рѣки присоединенія войскъ, оставленныхъ подъ начальствомъ генерала Бардов-

скаго, такъ какъ здѣсь долженъ былъ быть ночлегъ. Мы уже собиравшись выбрать себѣ мѣстечко для ночлега, въ ожиданіи прибытія нашихъ верблюдовъ съ вещами, какъ вдругъ прискакалъ офицеръ отъ начальника кавалеріи съ извѣстіемъ, что часть бѣжавшаго непріятеля переправилась чрезъ Аму-дарью на каякахъ или лодкахъ, и что летучій отрядъ нашъ успѣлъ только помѣшать переправѣ одного каяка, который почти на половинѣ рѣки стаа на мели; остальные же часть туркменъ уснакала по направленію къ гор. Шурахану. Командующій войсками, начальникъ отряда и вся главная квартира тотчасъ же съѣли на коней и съ конвоемъ отъ сборной сотни пустились большой рысью вслѣдъ за офицеромъ, привезшимъ извѣстіе. Дорога, по которой мы ѣхали, шла берегомъ Аму-дарьи и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдалялась отъ нея; расстояние до того мѣста, куда вѣлъ насъ казачій офицеръ, было, вѣроятно, верстъ семь или восемь, такъ какъ, по прошествіи часа времени, мы уже спускались съ довольно большой возвышенности прямо къ берегу Аму-дарьи. Недалеко отъ этого мѣста, рѣка дѣлала довольно крутой заворотъ и вода омывала весьма высокой, почти совсѣмъ отвѣсный берегъ. Здѣсь мы нашли всю кавалерію, которая остановила преслѣдованіе туркменъ, вслѣдствіе того, что сотни, съ ночнымъ переходомъ отъ Адамъ-крыстана, сдѣлали до шестидесяти верстъ по глубокому песку и дальнѣйшее насилуваніе непоенныхъ лошадей, могло, какъ говорится, совершенно осадить ихъ.

Начальникъ кавалеріи и Ихъ Высочества встрѣтили командующаго войсками, объяснили ему причины, по которымъ далѣе не преслѣдовали непріятеля, и указали на стоявшій на мели, въ саженьяхъ двухъ-стахъ около берега, непріятельскій каякъ съ хивинцами. Не прошло и четверти часа, какъ съ противоположной стороны рѣки поднялся ужаснѣйшій вихрь: песокъ столбомъ взвился до самыхъ облаковъ, вѣтеръ съ страшнымъ гуломъ перенесъ всю эту песчаную тучу на насъ и мы вмгъ были осыпаны пескомъ и дождемъ. Но вихрь этотъ продолжался не болѣе получаса; небо прояснилось и жара снова начала такъ допекать насъ, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, природа изыскивала всѣ средства, чтобы воспринять гостей появленію въ здѣшнихъ мѣстахъ незваныхъ европейскіхъ гостей.

Когда прояснилась погода, командующій войсками рѣшилъ оставаться на этомъ мѣстѣ часовъ до шести, для того, чтобы дать отдохнувшимъ казачьимъ лошадямъ и напоить ихъ, а къ вечеру возвратиться на ночлегъ въ бывшій туркменскій лагерь, на берегу

Аму-дары, куда долженъ былъ прибыть и генералъ Бардовскій съ пѣхотою, артиллеріею и обозомъ.

Теперь надо было какъ нибудь достать непріятельскій каюкъ съ туркменами, который продолжалъ стоять на мели, не смотря на то, что вѣтеръ довольно сильно подымалъ волны на рѣкѣ. Завладѣть каюкомъ вызвалось десять человекъ и одинъ офицеръ изъ казаковъ уральской сотни, которые, вооружившись револьверами и шашками, раздѣлились, оставшись въ однѣхъ только рубашкахъ и, держась за гривы своихъ лошадей, пустились влывъ къ каюку; тамъ, гдѣ оказывалась мель, видно было, какъ казаки переходили ее и потомъ плыли далѣе. Туркмены, усмотрѣвъ съ каюка, что казаки приближаются къ нимъ, засуетились, сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы столкнуться съ мѣста свой каюкъ, но это оказалось тщетнымъ, почему они стали выпрыгивать изъ каюка и бросаться въ воду. Намъ было очень ясно видно, какъ пять человекъ туркменъ достигли противоположнаго берега, а трое изъ нихъ, долго носимые волнами, наконецъ, исчезли и, вѣроятно, утонули. Казаки, добравшись до каюка, бились съ нимъ часа полтора и, наконецъ, имъ удалось столкнуть его съ мели. Лошадей своихъ они не имѣли возможности помѣстить въ самомъ каюкѣ, такъ какъ въ немъ уже находилось до тридцати барановъ, одна корова и одна лошадь, оставленные туркменами. Одинъ изъ казаковъ взялся самъ перенять вплавъ всѣхъ лошадей на нашъ берегъ, что и исполнилъ молодецки: плывя самъ и держась за гриву своей лошади, онъ искусно направлялъ остальныхъ къ берегу и со всѣми лошадьми благополучно добрался къ намъ. Прочіе же казаки съ офицеромъ съѣли въ каюкѣ и поплыли по теченію, постепенно приставая къ нашему берегу; когда же они совсемъ пристали, то, посредствомъ брошеннаго каната, каюкъ былъ подтянутъ къ болѣе удобному мѣсту, молодецки-казаки вышли на берегъ и были тотчасъ же окружены командующимъ войсками, всѣми офицерами и своими товарищами, поздравлявшими ихъ съ удачнымъ исполненіемъ нелегкаго дѣла. Командующій войсками, въ присутствіи всѣхъ, лестно поблагодарилъ казаковъ за ихъ молодецкій подвигъ, наградивъ ихъ тутъ же ста рублями и отдавъ имъ въ собственность все, что было найдено въ каюкѣ; самый же каюкъ былъ взятъ въ казну и предназначенъ служить вспомогательнымъ средствомъ для предстоящей намъ переправы.

Отдохнувъ немного, мы возвратились обратно къ тому мѣсту, гдѣ впервые привѣтствовали роскошную Аму-дарью; здѣсь, на берегу, войска расположились въ турменскихъ или хивинскихъ шашахъ, и

одному Богу только извѣстно, какое чувство раздолья охватило насъ послѣ всѣхъ этихъ нудуковъ, Халь-ата и Адамъ-крылгановъ...

Сегодняшній день, 11-го мая, долженъ остаться на всегда памятнымъ для каждаго изъ насъ, участниковъ хивинскаго похода. День этотъ былъ для насъ днемъ избавленія отъ всѣхъ напастей, переставшихъ тяготѣть надъ нами во все время движенія отряда по убійственной пустынѣ и, разсѣяніемъ непріятельскаго скопища подъ Учъ-чучаюмъ, онъ открывалъ намъ ворота въ плодотворную часть Хивинскаго ханства.

Такъ какъ съ самаго начала похода я задался цѣлю записывать всѣ ощущенія и впечатлѣнія, которыя придется мнѣ испытывать, потому что всѣ заранѣе предвидѣли, что невѣроятный, по своимъ трудностямъ, походъ въ Хиву, будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ событій новѣйшаго времени, то и въ настоящій, знаменательный для насъ день, мои мысли обращаются къ тѣмъ лицамъ, которыя, главнѣйшимъ образомъ, содѣйствовали успѣху столь славнаго дѣла. Имъ, т. е. командующему войсками, начальнику его полевого штаба, генералу Троичику, и начальнику туркестанскаго отряда, генералу Головачеву, мы обязаны тѣмъ, что могли совершить, почти безъ потерь въ людяхъ, переходъ по такимъ мѣстамъ, куда едва рѣшались проникать небольшія партіи, привыкшихъ ко всевозможнымъ лишениямъ, туркменъ-ночевниковъ. Сколько трудныхъ минутъ пришлось пережить этимъ лицамъ, на которыхъ лежала громадная отвѣтственность за жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей. Сколько заботъ и ежеминутной предусмотрительности должны были они выказывать для того, чтобы устранить или ослабить вредныя послѣдствія разныхъ случайностей, которая могли привести къ гибели весь отрядъ и окончательно разстроитъ порученное имъ громадное предпріятіе!... Конечно, не мнѣ оценивать дѣятельность руководителей нашей экспедиціи и имена ихъ найдутъ себѣ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто въ лѣтописяхъ славнѣйшихъ подвиговъ нашихъ войскъ. Но я, какъ простой очевидецъ ихъ многотрудной дѣятельности, считалъ бы себя не вправѣ умолчать о заслугахъ тѣхъ, которые, раздѣляя труды всего отряда, должны были, сверхъ того, изыскивать всѣ способы къ облегченію этихъ трудовъ и стремиться къ достиженію указанной цѣли цѣною возможно меньшихъ жертвъ.

12-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дары. Никогда со времени начала похода не ощущали мы лучшаго настроенія духа, какъ теперь, во время стоянки близъ Аму-дары. Не говоря уже о нравственной бодрости, оживившей всѣхъ насъ съ выходомъ изъ пустыни, мы могли, и

накопецъ, освѣжиться въ сосѣдствѣ рѣки и, уже не дрожа за каждую каплю воды, утолить величайшую изъ жизненныхъ потребностей. Моральныя и физическія силы, оправившись и окрѣпнувъ послѣ тяжкихъ испытаній, придавали всему отряду полную увѣренность въ успѣшномъ достиженіи цѣли нашего похода.

Простоявъ тутъ до 5 часовъ вечера, мы снялись съ бивака и сдѣлали небольшой переходъ внизъ по берегу Аму-дарьи, все таки по глубокому еще песку. Когда путь нашъ удалялся хотя на незначительное разстояніе отъ рѣки, становилось какъ-то грустно, являлось какъ бы опасеніе не увидѣть болѣе этихъ водъ, возвратившихъ намъ бодрость духа и силы. Къ счастью, на ночлегъ мы снова вышли къ самому берегу.

13-е мая. Бивакъ на томъ же берегу. Въ четыре часа утра мы выступили далѣе по направленію, ведущему къ городу и крѣпости Шурахану, и шли также по берегу рѣки, по крайне глубокому, мѣстами, песку и при удручивой жарѣ; однако, не смотря на это, мы двигались въ отличномъ настроеніи, зная, что, по приходѣ на ночлегъ, будемъ въ состояніи утолить жажду и освѣжить тѣло.

14-е мая. Бивакъ въблизи Аму-дарьи. Сегодня мы опять сдѣлали небольшой, подобный предшествующему, переходъ, хотя въ нѣкоторомъ уже отдаленіи отъ рѣки; ничего замѣчательнаго по пути не было. Джигиты наши общаются, на слѣдующемъ переходѣ, пахатныя земли, нѣкоторую растительность, траву и вообще признаки жизни и осѣдлости.

15-е мая. Бивакъ на большомъ арыкѣ. Пройдя нѣсколько верстъ отъ предыдущаго ночлега, мы дѣйствительно вступили на пахатныя и засѣяныя поля, и когда остановились на ночлегъ, то подъ ногами нашими разстилался прекрасный кормъ для лошадей, а воду доставляли намъ арыки—оросительныя каналы, посредствомъ которыхъ поливаются пахатныя земли. Мы находились въ семи верстахъ отъ Аму-дарьи, и верстахъ, приблизительно, въ 30 отъ города Шурахана.

16-е мая. Акъ-камышъ. Прежде чѣмъ занести въ мой дневникъ событія замѣчательнаго дня 16-го мая и въ виду того, что мы, со дня на день, ожидали приказанія приступить къ переправѣ черезъ Аму, считаю необходимымъ сказать, какими средствами обладаемъ нашъ отрядъ для исполненія такого труднаго дѣла, какъ переходъ на лѣвый берегъ широкой и быстрой рѣки.

При открытіи похода въ Хиву, съ Джизакскою, т. е. нашею колонпою отправленъ былъ изъ Чиназа, въ инженерномъ паркѣ одинъ,

весьма большой понтонъ; Казакинскою же колонпою взято было три меньшихъ размѣровъ понтона. Всѣ эти понтоны предназначались для плаванія по Аму-дарьѣ, съ цѣлю собирать мѣстныя перевозочныя средства; кромѣ того, каждый два понтона могли быть соединены вмѣстѣ и, такимъ образомъ, составлять паромъ для переправы. По присоединеніи къ намъ Казакинской колонны, бывшіе при немъ три понтона были сданы въ отрядный инженерный паркъ. Когда же, на пути отъ Адамъ-крыгана, мы вынуждены были бросить и жечь многія вещи, то понтонъ Джизакской колонны, какъ весьма тяжелоуспѣный, былъ зарытъ въ землю; сдѣдовательно, къ Аму-дарьѣ мы пришли уже съ тремя понтонами или лодками. По взятіи нашими уральскими казаками турменскаго каюка, командующій войсками тогда же сдѣлалъ распоряженіе присоединить къ этому каюку три нашихъ понтонныхъ лодки, посадить въ нихъ вооруженныхъ стрѣлковъ и, съ помощію бывшихъ при саперной ротѣ трехъ матросовъ, отправить эти четыре судна подъ начальствомъ разжалованнаго изъ капитанъ-лейтенантовъ въ матросы, но уже произведеннаго въ унтеръ-офицеры съ возвращеніемъ дворянскаго достоинства, Зубова, для плаванія по берегамъ Аму-дарьи. Этой маленькой рѣчной флотилии приказано было захватывать всѣ лодки и каюки, которыя будутъ попадаться ей на пути ея плаванія.

Одновременно съ нашимъ слѣдованіемъ вдоль берега Аму-дарьи къ Шурахану, интендантъ отряда г. Касьяповъ, человекъ уже пожилой, но исполненный большой отваги, испросясь позволеніе плыть на суднѣ Зубова, такъ какъ импровизованная флотилия наша осталась все время на виду отряда и имѣла постоянное съ нимъ сообщеніе; къ г. Касьянову присоединился и профессоръ зоологій г. Богдановъ. Эти три лица, находясь на передовой лодкѣ рѣчнаго отряда, не переставали охотиться за неприятельскими каюками и лодками, производили десанты на берегъ, вступали въ перестрѣлку съ турменами, и успѣли завладѣть нѣсколькими ихъ каюками. Дѣйствія ихъ были такъ удачны, что, по приходѣ нашемъ къ Акъ-камышу, трофей ихъ состояли уже изъ 15 захваченныхъ у неприятеля каюковъ, изъ которыхъ четыре оказались очень большими.

Турмены, слѣдившіе съ противоположнаго берега за дѣйствіями нашей флотилии, и вида разгромъ, производимый Зубовымъ, но не зная о нашемъ приходѣ къ Акъ-камышу, пыгались было уничтожить гребной отрядъ; съ этою цѣлю, они подвезли къ берегу два орудія и пустили въ нашу флотилию до 23 ядеръ. Но Зубовъ такъ

ловно лавировалъ, что успѣлъ уйти изъ подъ неприятельскихъ выстрѣловъ, не понеся никакой потери.

Когда же туркмены узнали, что мы уже находимся у Акъ-камышы, противъ котораго на противоположномъ берегу нарочно построена была ими небольшая крѣпостца, то, опасаясь, что мы рѣшимся переправляться на этомъ самомъ, весьма удобномъ мѣстѣ, они оставили Зубова, и поспѣшно заняли эту крѣпостцу, которую вооружили своими орудиями.

Командующій войсками, да и мы всѣ, не зная еще о томъ, что дѣлается съ нашей флотиліею и полагая, что неприятель находится въ Шураханѣ, который онъ намѣревался, будто, защищать, остановилъ всѣ отряды на удобной позиціи по дорогѣ, идущей прямо въ этотъ городъ, и въ семи верстахъ въ сторонѣ отъ Аму-дарьи. На избранномъ для bivака мѣстѣ было много корма какъ для лошадей, такъ и для верблюдовъ. По близости находилось много кышлаковъ, или домовъ изъ глины и огородовъ, но жителей не было ни одного.

Мы уже часа два предавались отдохновенію на нашей новой стоянкѣ, стараясь спастись отъ нестерпимой духоты, какъ сынъ мой, бывшій въ этотъ день дежурнымъ адъютантомъ при командующемъ войсками, вышелъ изъ палатки и привалялъ личному конвою генерала Кауфмана сѣдлать лошадей. Я его спросилъ, что это значитъ, и получилъ въ отвѣтъ, что командующій войсками, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, отправляется осматривать мѣстность у Аму-дарьи и нашу флотилію. Я опять спросилъ сына, слѣдуетъ ли ѣхать главной квартирѣ за командующимъ войсками и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Чувствуя себя сильно истомленнымъ жарой, и не очень здоровымъ, да и не предполагая ничего особеннаго въ этой побѣдѣ, тѣмъ болѣе, что командующій войсками не бралъ съ собой ни какой части войскъ, кромѣ обыкновеннаго своего казачья конвоя, я рѣшился остаться въ лагерѣ. Впослѣдствіи, я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ этомъ случаѣ быть не одинъ, а многія изъ лицъ главной квартиры остались также въ лагерѣ, вѣроятно, по одинаковымъ съ моими соображеніямъ.

Черезъ полчаса вся эта кавалькада, оба генерала съ своими конвоями и штабами, адъютанты и большая часть главной квартиры поѣхали по направленію къ Аму-дарьѣ.

Часъ спустя послѣ отъѣзда командующаго войсками, я вдругъ услышалъ сильный орудійный выстрѣлъ. Зная, что съ генераломъ Кауфманомъ не было ни какой артиллеріи, я спросилъ моего слугу,

чтобы это могло значить? Семень мой, вѣроятно съ просонья, отвѣчалъ мнѣ: должно быть громъ. Не успѣлъ я возразить на его негнѣный отвѣтъ о громѣ, въ то время когда насъ печетъ солнце, какъ раздался вторичный выстрѣлъ, и въ лагерѣ послышались шумные голоса бросавшихся въ ружье солдатъ. Я быстро одѣлся, послалъ за лошадью, которая была на корму, и хотѣлъ уже приглашать начальниковъ частей выводить часть войскъ по тому направленію, откуда слышались выстрѣлы, какъ, выйдя изъ палатки, я увидѣлъ, что нѣкоторыя роты уже стояли въ строю. Въ пестрѣннѣ, ожидая лошади, которая паслась въ общемъ табунѣ отряда, я чувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи еще болѣе, когда увидѣлъ многихъ лицъ, скачущихъ изъ лагера по направленію раздающихся орудійныхъ выстрѣловъ; мимо меня пронеслись уже дивизионъ раяетныхъ и конной артиллеріи, а моей лошади все нѣтъ!..

Наконецъ, сѣвъ на приведеннаго коня, я пустился вскачь и вскорѣ сталъ нагонять многихъ лицъ главной квартиры и разныхъ частей войскъ; всѣ лѣтели по направленію выстрѣловъ, такъ что, когда я выѣхалъ къ прибрежью Аму-дарьи, все поле было усеяно скачущими всадниками. Вдали видѣлись командующій войсками и начальникъ отряда, стоявшіе на берегу рѣки, но гораздо выше лежавшей на той сторонѣ крѣпостцы. Выстрѣлы становились рѣже, хотя изъ крѣпостцы неприятель не переставалъ стрѣлять, вѣроятно уже по насъ, или по видѣвшимся ему подходившимъ ротамъ и артиллеріи. Ядра нашихъ противниковъ брали весьма далеко, что насъ крайне изумило, потому что ширина Аму-дарьи, въ этомъ мѣстѣ, была около 800 сажени и, кромѣ того, крѣпостца ихъ была расположена не у самаго берега, но отступя нѣсколько отъ него. Ядра, перелетая рѣку, ложились очень далеко, такъ что, когда мы только что выѣзжали къ предрѣчью, нѣсколько ядеръ шмыгнули отъ насъ въ весьма близкомъ разстояніи.

Мы проѣхали, по крайней мѣрѣ, верстѣ 10 отъ лагеря, но все-таки не могли нагнать командующаго войсками и его свиты. Сдѣлавъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ переходъ въ 20 верстѣ, и проснававъ еще теперь 10, лошади наши положительно отказывались снискать далѣе. Видя невозможность догнать наше начальство и потерѣвъ даже изъ виду значекъ командующаго войсками, мы дали нашимъ лошадямъ идти по волѣ. Вскорѣ, со стороны начальства, поназлся скачущій офицеръ; мы приостановились, чтобы узнать что нибудь отъ него. Офицеръ этотъ, адъютантъ 1-го стрѣльцоваго баталіона подпоручикъ Дѣтковъ, объявилъ намъ, что командующій вой-

сками приказалъ всѣмъ вышедшимъ изъ лагеря войскамъ и артилеріи возвратиться обратно къ мѣсту бивака.

Офицеръ проскакалъ далѣе съ этимъ приказаніемъ, мы также повернули и поѣхали обратно, сначала шагомъ, а потомъ маленькой рысью. Проѣхавъ, такимъ образомъ, верстъ около пяти, мы должны были снова попасть на дорогу, дежавшую подъ выстрѣлами вѣрнопостцы; здѣсь мы наткнулись на нашъ дивизионъ конной батареи, который, снимаясь съ позиціи, вытягивался въ одно орудіе шагомъ. Солнце начинало уже склоняться... Только что мы присоединились къ дивизиону, неприятель сдѣлалъ по намъ выстрѣлъ, и ядро, передетѣвъ довольно высоко надъ нашими головами, упало далеко за нашей навалкадой. За этимъ выстрѣломъ посѣдовалъ другой, и второе ядро шлепнуло шагахъ въ десяти отъ меня и бывшихъ рядомъ со мной топографскаго офицера и маіора Адраса. Мы стали просить ѣхавшаго съ нами около орудія штабсъ капитана Ермолова, послать неприятелю въ отвѣтъ хотя одну гранату, но Ермоловъ не согласился, сказавъ, что велѣно идти въ лагерь и дивизионъ уже снялся съ позиціи, а что завтра туркмены получатъ хорошее угощеніе. Во время нашего разговора сплюснутая ядра шлепали по правую и лѣвую сторону орудій, а дивизионъ продолжалъ себѣ идти тихимъ шагомъ, не обращая никакого вниманія на падавшіе неприятельскіе снаряды. Нѣсколько времени еще неприятель провозжалъ насъ ядрами, пока мы не вышли изъ-подъ сферы его выстрѣловъ.

Командующему войсками, начальнику отряда, ихъ свистѣ и ковою пришлось провести не совсѣмъ пріятные полчаса. Во время стрѣльбы изъ вѣрнопостцы въ нихъ выпущено было до 30 ядеръ, изъ которыхъ одно хлопнуло около Князя Евгенія Максимовича, обнесло его грязью и мокрымъ пескомъ; лошадь же доктора Морева, стоявшаго подлѣ Князя, два раза прокружилась и вмѣстѣ съ нимъ упала; полагали, что докторъ убитъ, но, къ счастью, онъ всталъ невредимъ. Если бы у туркменовъ были гранаты, то немного бы убѣдѣло и начальства, и свиты...

17-е мая. *Ахъ-камъышъ.* Вчера, по возвращеніи командующаго войсками въ лагерь, стало извѣстно еще съ вечера, что начальнику отряда, генералу Головачеву, съ двумя ротами стрѣльцовъ и дивизиономъ конной батареи поручено отправиться рано утромъ къ берегу Аму-дарьи. Цѣль этого движенія заключалась въ томъ, чтобы наказать хивинцевъ за ихъ вчерашній продѣлки, сбить ихъ съ зарѣчной позиціи и изъ вѣрнопостцы и тѣмъ дать возможность нашей флотиліи,

оставшей верстѣ за 12 выше по рѣкѣ, причалить къ нашему берегу; объ этомъ сообщено было одновременно и Зубову.

Сегодня, въ шесть часовъ утра, мы услышали, со стороны Аму-дарьи, сильные орудійные выстрѣлы. Хотя было еще довольно рано, но вся главная квартира была уже на ногахъ, и лошади стояли у всѣхъ осѣдланными. По мѣрѣ усиленія доходящихъ до насъ орудійныхъ выстрѣловъ, всѣ лица главной квартиры постепенно стали сходиться у ставки командующаго войсками. Въ это время генералъ Кауфманъ принималъ депутацію отъ жителей Шураханъ и четырехъ представителей отъ нѣкоторыхъ окрестныхъ кочевыхъ родовъ, которые накануне еще писали къ командующему войсками и, какъ мирные жители, просили его покровительства.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ передалъ имъ письменный переводъ своего отвѣта, съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали его извѣстнымъ по всей окрестности. Главный начальникъ русскихъ войскъ приглашалъ всѣхъ мирныхъ жителей оставаться на своихъ мѣстахъ, по прежнему, заниматься своими полями и хозяйствомъ, и ругался имъ за то, что ни одному мирному человѣку не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда, потому что она ведетъ войну не противъ жителей, а противъ войскъ непріязненнаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, командующій войсками предложилъ депутаціи пригласить жителей сегодня же начать привозить въ нашъ лагерь для продажи войскамъ разные продукты и все, чѣмъ они только торгуютъ на базарахъ, присовокупивъ, что, по приходѣ намъ завтрашняго числа въ Шураханъ, жители его могутъ быть совершенно спокойны, что на базарѣ все будетъ покупаться за наличныя деньги и ничего не будетъ взято у нихъ безъ платы.

Вечеромъ, часу въ шестомъ, дѣйствительно, шураханскіе жители привезли къ намъ для продажи разныхъ разностей; все это было у нихъ раскуплено нами и солдатами, и наши новые поставщики остались, повидимому, очень довольны. Въ заключеніе, командующій войсками приказалъ надѣть на четырехъ выборныхъ халаты; причемъ, переводчикъ передалъ имъ, чтобы подарки эти они приняли въ знакъ особеннаго къ намъ благоволенія главнаго начальника русскихъ войскъ за то, что шураханцы были первыми мирными жителями, встрѣтившими эти войска.

Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Кауфманъ и вся главная квартира съѣли на коней и отправились къ маленькому отряду, высланному съ генераломъ Головачевымъ; послѣдній встрѣтилъ насъ словами, что неприятель сбить съ позиціи и уходитъ, оставя свою вѣрнопостцу.

Отступеніе непріятеля ясно было видно съ нашего берега: онъ уходилъ изъ своего лагеря, съ трудомъ таща за собою свои два подбитыхъ орудія.

Начальникъ отряда не могъ достаточно нахватиться мѣткостью стрѣльбы нашей конной артилеріи, прибавивъ, что какъ только опредѣлилась дистанція чрезъ рѣку и люди нѣсколько приснаровились, то каждая паша граната производила сильное разрушеніе у туркменъ. Въ отместку же намъ, и непріятель, въ свою очередь, угодчалъ насъ лучше вчерашняго: много удачныхъ выстрѣловъ было пущено имъ, такъ что ядра постоянно ложились между орудіями, а подъ конецъ у насъ убита была въ конномъ дивизионѣ одна лошадь и раздроблено колесо у одного орудія. Кроме того, была убита также лошадь у командира роты, прикрывавшей батарею. Поблагодаривъ орудійную прислугу и стрѣльцовъ, командующій войсками приказалъ имъ возвратиться въ лагерь.

Тѣмъ временемъ флотилія, подъ начальствомъ Зубова, должна была проплыть верстъ десять внизъ по рѣкѣ, чтобы достигнуть мѣста нашей стоянки; на этомъ пространствѣ флотиліи попадались на встрѣчу непріятельскіе каюки, стоявшіе близъ противоположнаго берега, который былъ усѣянъ конными туркменами, поджидавшими наши суда. Непріятель завязалъ перестрѣлку съ бывшими на судахъ людьми, чтó, однако, не помѣшало лихому Зубову не только овладѣть нѣсколькими каюками, но и производить даже десанты; вскорѣ стрѣлки наши совершенно очистили непріятельскій берегъ. Послѣдній захваченный нами каюкъ былъ уже въ виду всѣхъ, когда наша конная батарея замолкла. Зубовъ увидѣлъ, въ это время, на непріятельскомъ берегу еще одинъ каюкъ, подоженный самими туркменами; не разсуждая долго о томъ, ушелъ ли непріятель, или только собирается уходить, командиръ нашего рѣчнаго флота полетѣлъ на своихъ лодкахъ къ противоположному берегу, вырвалъ, такъ сказать, каюкъ изъ рукъ непріятеля и, затушивъ огонь, притащилъ его къ нашему берегу.

Командующій войсками и всѣ мы довольно долго стояли на берегу Аму-дарьи съ наведенными биноклями и смотрѣли, какъ туркмены выбирались изъ крѣпости. Намъ, впрочемъ, казалось, что хотя непріятель, вѣроятно, направится на защиту Шурахану, ибо онъ зналъ, что завтра мы подойдемъ къ этому городу, но такъ какъ за крѣпостію и песчаными барханами, которыми былъ усѣянъ непріятельскій берегъ, начинались уже сады, тянувшіеся вплоть до Хивы, на

пространствѣ болѣе 50 верстъ, то, по крайней мѣрѣ, часть туркменъ должна была, безъ сомнѣнія, остаться въ этихъ садахъ.

28-е мая. Переправа чрезъ Аму-дарью. Сегодня, въ шесть часовъ утра, мы снимались съ бивака у Акъ-кымыша, въ полной увѣренности, что идемъ къ Шурахану, гдѣ была назначена переправа чрезъ Аму-дарью, какъ совершенно неожиданно для всѣхъ насъ авангардъ отряда и весь верблужій обозъ стали направляться на дорогу, ведущую не къ Шурахану, а къ рѣкѣ, именно на то мѣсто, съ котораго былъ вчера обитъ непріятель. Такъ какъ отъ нашей стоянки до Аму-дарьи было не болѣе 7 верстъ, то всѣ войска подошли къ берегу часа черезъ два. Мы были немного удивлены еще и тѣмъ, что когда подходили къ берегу Аму-дарьи, то въ двухъ широкихъ арыкахъ, которые войска переходили для достиженія рѣчнаго берега, вода оказалась несравненно глубже вчерашняго.

Войска расположились на большомъ пространствѣ вдоль берега, и тотчасъ же сдѣлано было распоряженіе о переправѣ на ту сторону двухъ ротъ 1-го стрѣлковаго баталіона и двухъ горныхъ орудій. Имъ приказано было занять непріятельскую крѣпостцу, не увлекаться впередъ, а поджидать переправы слѣдующихъ войскъ; къ вечеру на ту сторону перевезены были еще двѣ роты, со всѣмъ ихъ багажемъ.

День 18-го числа прошелъ для насъ незамѣтно, въ постоянномъ плаваніи каюковъ съ одного берега на другой и въ доставленіи необходимыхъ для перевезенныхъ войскъ принадлежностей. Отправленнымъ на лѣвый берегъ ротамъ не приказано было приближаться къ кышлакамъ, которые видѣлись въ садахъ. Наступилъ вечеръ, взошла на подчасъ молодая луна и потомъ все повергло въ мракъ.

Палатка моя и барона Каульбарса отстояли отъ берега Аму-дарьи въ нѣсколькихъ сажняхъ и находились подлѣ самаго арыка, чрезъ который пѣхота проходила утромъ въ бродъ. Часу въ одиннадцатомъ вечера слуга нашъ, между прочимъ, доложилъ, что въ арыкѣ нашемъ вода уже такъ прибавилась, что лошадь можетъ идти вплавъ. Около часу ночи рожки затрубили, войскамъ приказано было выочиться, переходить обратно оба арыка, чрезъ которые мы переправлялись, подходя къ Аму-дарѣ, и размѣститься далѣе отъ рѣки, на большой песчаной возвышенности. Всѣ мы не мало исполнились отъ такой неожиданности, въ особенности, когда джигиты и мѣстные жители стали утверждать, что, въ это время года, Аму-дарья въ нѣсколько часовъ затопляетъ все пространство кругомъ на десятокъ верстъ. Молодая луна скрылась отъ насъ и еще болѣе затрудняла переходъ чрезъ арыкъ, въ которомъ вода, дѣйствительно, сильно

поднялась; въ особенности затрудняла насъ переправа верблюдовъ. Въ темнотѣ, конечно, не сразу разберешь, гдѣ лучше пройти: верблюды спотыкались, надо было ихъ подымать и вытаскивать изъ воды, вещи подмачивались, и произошелъ невыразимый кавардакъ.

Командующій войсками, начальникъ отряда и Ихъ Высочества перешли арыки благополучно. За ними стали переходить войска, имѣя воду по поясъ, но такъ какъ въ эту ночь была сильная духота, то всё охотно купались. Около арыковъ столпилось въ темнотѣ нѣсколько тысячъ людей и верблюдовъ, всё искали какъ бы пройти по лучше, и шлепанье по водѣ производило такой шумъ, который въ тихую ночь далеко раздавался по окрестной мѣстности.

Что касается лично меня, то я сомнѣвался, чтобы въ одну ночь мы могли быть такъ затоплены, что уже и дѣваться некуда, и притомъ былъ увѣренъ, что завтра, во всякомъ случаѣ, намъ придется вернуться къ берегу для переправы. Поэтому, перейдя первый арыкъ, и перетавивъ черезъ него съ величайшимъ трудомъ своихъ верблюдовъ съ вещами, я рѣшился не переправляться черезъ второй арыкъ, который оказался несравненно хуже первого, и остался ночевать между обоими арыками. Моему примѣру послѣдовало большое количество обозовъ и войскъ, на что вскорѣ и получено было разрѣшеніе начальства, тѣмъ болѣе, что время уже близилось къ разсвѣту.

19-го мая. Вблизи непріятельской крѣпости. Проснувшись около пяти часовъ утра, мы убѣдились, что не только не могли быть затопленными, но вода въ арыкахъ далеко еще не достигала поверхности береговъ, хотя, дѣйствительно, сильно прибавилась и должна была еще болѣе увеличиться, такъ какъ дуть сильный вѣтеръ.

Спустя часть времени, все начальство съ Ихъ Высочествами пробѣжало къ переправѣ. Туда же потянулись и всѣ войска, перехода обратно арыки, что, впрочемъ, не представляло днемъ никакихъ затрудненій. Находясь ближе другихъ къ Аму-дарѣ, я съ моими верблюдами перешелъ только одинъ арыкъ и, подойдя къ мѣсту переправы, воспользовался первымъ каюкомъ, который принималъ людей и вещи главной квартиры. Помѣстившись въ каюкъ съ моею лошадыю, вещами моими и барана Каульбарса и нашими двумя слугами, я къ десяти часамъ былъ перевезенъ на другую сторону рѣки, гдѣ разбить себѣ палатку около самаго берега, въ районѣ, назначенномъ для главной квартиры, и какъ на бѣду въ глубокомъ пескѣ. Баронъ Каульбарсъ не могъ переправиться со мною, такъ какъ, будучи

офицеромъ генеральнаго штаба, ему приходилось исполнять разные порученія и распоряженія по переправѣ.

Каюки, отобранные Зубовымъ у непріятеля, несказанно пригодились для переправы нашихъ войскъ. При этомъ, не могу умолчать о нашихъ саперахъ, которые, во все время похода, приносили отряду чрезвычайную пользу, какъ при совершеннѣйшихъ переходахъ по безводнымъ мѣстамъ, отыскивая и устраивая колодцы, такъ и во время переправы. Саперные офицеры горячо соревновали общей пользѣ: сами спускались на десятки сажень въ глубь колодцевъ, измѣряя и вычисляя количество воды; руководили всѣми работами во время переправы, исправляли берега, устраивали пристани, завѣдывали нагрузкою и разгрузкою, словомъ, весь процессъ переправы вынесли на своихъ плечахъ.

Съ 18-го числа и до вечера нынѣшняго, 19-го, переправлено уже болѣе половины отряда: вся почти главная квартира, начальникъ отряда со штабомъ и козвой. Командующій войсками, желая лично наблюдать за переправою со своимъ штабомъ, остался еще на правомъ берегу. Кавалерію и верблюдовъ полагаютъ переправить послѣдними, частью въ каюкахъ, частью, быть можетъ, вплавь. Изъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ, имѣющихся при войскахъ, оставляютъ только до 300, а остальныхъ уже отравили на Халь-ата и къ колодцамъ Алты-кудукъ, для облегченія слѣдованія къ намъ оставленныхъ тамъ войскъ. Командиръ 2-го стрѣлковаго баталіона, полковникъ Веймаршъ, съ своими двумя ротами и частью артилеріи и съ разными запасами, оставленный на Халь-ата, завтра долженъ уже придти къ переправѣ, вслѣдствіе чего часть пѣхоты, удержанная на этомъ берегу, дождется его прихода. Полковникъ же Новомилинскій, командиръ 3-го стрѣлковаго баталіона, съ своими двумя ротами и тоже съ частью артилеріи долженъ придти позже.

Переправившись на ту сторону, я нашелъ наши войска расположенными вблизи бывшей непріятельской крѣпости, на отличной позиціи, обнесенной со всѣхъ сторонъ въ два яруса песчаными ввышенностями, въ родѣ брустверовъ. Впрочемъ, пришлось стоять въ глубокомъ пескѣ, а между тѣмъ, до садовъ было, что называется, рукой подать. На мѣстѣ стоянки не было ни травинки, поэтому, для доставленія корма, приказано было произвести фуражировку въ кышлакахъ; возвратившіеся оттуда фуражиры, добывшие порядочное количество клевера для корма, объяснили, что жителей не выдали, но замѣтили много хлѣба на поляхъ. Жители, хивинцы, завидѣвъ фуражировъ, вѣроятно попрагались, но потомъ сообразили, что имъ

гораздо выгоднѣе будетъ самимъ продавать продукты нашимъ войскамъ, а потому, сегодня утромъ, совершенно для насъ неожиданно, среди лагера, образовался настоящій базаръ: жители навезли не только клеверу, но дешовкѣ, крупъ, барановъ и скота, остались очень довольны торгомъ и общади на другой день опять прѣхать.

20-го мая. Бивакъ на берегу Аму-дарьи. До нынѣшняго дня я находился все одинъ на лѣвомъ берегу Аму; мой товарищъ баронъ Каульбарсъ, получившій, вѣроятно, порученіе отъ начальника штаба, не возвращался все еще съ того берега. Здѣсь кстаи замѣтить, что мой почтенный сожитель, давно мнѣ извѣстный и обратившій на себя вниманіе своею отважностію еще въ кульджинской экспедиціи, гдѣ онъ получалъ двѣ раны, любилъ производить надъ собой весьма опасные эксперименты. Такъ случилось и сегодня. Часу во второмъ дня, я вдругъ засыпалъ голосъ барона Каульбарса, отыскивавшаго мою палатку; выглянувъ изъ нея, я былъ не маю удивленъ, когда предъ моими глазами предсталъ мокрый, обнаженный всадникъ на такомъ же мокромъ конѣ.... То былъ баронъ Каульбарсъ, переплывшій, въ видѣ опыта, Аму-дарью въ томъ мѣстѣ, гдѣ ширина ея доходитъ до 800 сажень, при весьма значительной глубинѣ, а быстрота теченія пять футовъ въ секунду....

Ждемъ не дождемся конца переправы и той минуты, когда насъ поведутъ въ хивинскіе сады и кышлаки, такъ какъ стоянка близъ крѣпости въ глубокомъ десѣ, положительно несносна и живо напоминаетъ наши прошедшія бѣдствія.

Въ три часа по полудни, командующій войсками переправился на нашу сторону. Говорятъ, что съ приходомъ завтра къ переправѣ полковника Веймарна съ транспортомъ провѣанта, мы тронемся далѣе. До Хивы только 50 верстъ, или два обыкновенныхъ солдатскихъ перехода.

Пока командующій войсками находился еще на той сторонѣ рѣки, родной дядя хивинскаго хана присылалъ просить позволенія явиться на свиданіе къ генералу Кауфману. Командующій войсками послалъ ему въ отвѣтъ свое согласіе, и посланный уѣхалъ въ Хиву, но еще не возвращаясь.

21-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дарьи. Сильный вѣтеръ затрудняетъ переправу. Красивая Аму превратилась въ страшную, безобразную массу желтоватаго цвѣта; подгоняемая вѣтромъ волны высоко поднимаются и бушуютъ. Несносный вѣтеръ не покидаетъ насъ и пробуждаетъ въ памяти злѣйшія воспоминанія о безводныхъ,

песчаныхъ пространствахъ, гдѣ онъ насъ такъ сильно дожималъ. Наша позиція, какъ я выше сказалъ, находится какъ бы въ квадратной песчаной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ песчаными возвышенностями, такъ что при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, песокъ съ этихъ возвышенностей совершенно засыпаетъ насъ.

Полковникъ Веймарнъ, часовъ въ девять, прибылъ къ переправѣ со своими ротами, что даетъ надежду на скорое наше движеніе впередъ.

22-е мая. Бивакъ на берегу Аму-дарьи. Сегодня цѣлый день происходила у насъ суматоха, послужившая хоть нѣкоторымъ развлеченіемъ въ нашемъ скучномъ положеніи.

Жители кышлаковъ, расположенныхъ въ садахъ, вѣстахъ въ двухъ отъ нашего бивака, по примѣру пражинскъ дней, съ утра стали собираться къ намъ въ лагерь съ разными жизненными припасами на продажу. Какъ вдругъ все переполошилось: прѣхалъ голецъ съ извѣстіемъ, что диванъ-беги (хивинскій военный начальникъ) грабитъ кышляки за то, что жители стали бѣдить къ русскимъ и подвозить имъ припасы. Получивъ это извѣстіе, командующій войсками тотчасъ же отправилъ на фуражировку двѣ роты съ двумя горными орудіями и нѣскольکو казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Чайковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ взять всѣхъ офицерскихъ людей для добычи фуража. Для надзора за правильностію фуражированія и для распредѣленія по участкамъ были назначены изъ полевого штаба два офицера.

По уходѣ этого отряда и по прошествіи нѣкотораго времени, стали слышаться вдали ружейные выстрѣлы, но, не смотря на внимательное наблюденіе въ бинокль, съ ближайшихъ возвышенностей рассмотреть ничего было нельзя; вѣтвявые деревья садовъ мѣшали обзорѣнию.

Вскорѣ прискакалъ казакъ отъ подполковника Чайковскаго, съ докладомъ, что высланный отрядъ, прогнавъ непріятеля (туркменъ), находится не въ дальнемъ разстояніи отъ укрѣпленнаго города Хазарь-аспа; вмѣстѣ съ тѣмъ, подполковникъ Чайковскій доносилъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ довольно тяжело раненъ пулею, а одинъ солдатъ раненъ холоднымъ оружіемъ. Генералъ Кауфманъ приказалъ послать къ подполковнику Чайковскому еще двѣ роты, съ которыми отправились и Ихъ Высочества. Командующій войсками, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о состояніи города и крѣпости Хазарь-аспа, не имѣя достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ, и не окончивъ еще переправы, рѣшился тотчасъ же двинуться къ

Хазарь-аспу. Посланныя войска разсыла хивинскія партіи и довольно рано вернулись въ лагерь.

Вроятно, вслѣдствіе этой рекогносцировки, вечеромъ вышешъ приказъ, на основаніи котораго, въ три часа утра, весь отрядъ, кромѣ двухъ линейныхъ ротъ, остающихся на позиціи для охраненія вещей и для наблюденія за переправою, долженъ былъ выступить для занятія города и крѣпости Хазарь-аспа. Солдатамъ приказано имѣть съ собою въ мѣшкахъ (замѣняющихъ ранцы), сухари и только то, что можетъ быть имъ временно необходимо, такъ какъ, по занятіи Хазарь-аспа, вся мѣстность отъ берега Аму будетъ очищена отъ непріятели и тяжести отряда могутъ быть доставлены въ Хазарь-аспу, разстояніе до котораго считалось не болѣе 14 верстъ.

23-го мая. *Бивакъ въ садахъ, близъ Хазарь аспа.* Не смотря на то, что сегодня, рано утромъ, предстояло двинуться къ Хазарь-аспу, лагерь, а вмѣстѣ съ нимъ и мы успокоились съ вечера въ двѣнадцать часовъ. Въ три часа ударили подъемъ; заваренный чай брошенъ и мы съ Каульбарсомъ сѣли на коней и пустились догонять командующаго войсками, уже уѣхавшаго къ авангарду. Нагнавъ авангардъ и пройдя около двухъ верстъ отъ позиціи по песчанымъ оврагамъ и буеракамъ, мы вступили въ сады, ведущіе къ Хазарь-аспу и тянущіеся вплоть до Хивы.

Мѣстность эта, въ особенности, послѣ пройденной пустыни, показала намъ раемъ и поражала непривычный глазъ разнообразіемъ и богатствомъ флоры. Жаль только, что мы разстались съ величественной Аму и не видяи другой воды, кромѣ воды въ арнакахъ, которые пересѣкаютъ всю мѣстность по разнымъ направленіямъ; такъ будетъ, говорятъ, до самой Хивы, которая также не имѣетъ рѣки.

Предместная мѣстность, на которую мы вступили, похожа на живописный паркъ, тянущійся на 50 верстъ. Повсюду виднѣются разбросанныя въ накомъ-то дѣлѣющемъ глазъ безпорядкѣ, огромныя пышныя деревья, представляющіе собою видъ громаднаго гриба; около нихъ почти всегда стоятъ, такъ называемые, курганчи, или дома, обнесенные заборомъ, въ родѣ нашихъ барскихъ дачъ, построенныя изъ весьма плотно убитой глины, представляющей извѣстное сопротивленіе даже артиллерійскимъ снарядамъ; всѣ дома какъ будто оштукатурены и имѣютъ чрезвычайно красивый видъ. Величественный грибокъ, своей огромной шапкою, большую частію покрываетъ тѣнью весь домъ и дворъ. По всему парку разбросаны обыкновенныя деревья и кустарники съ зеленеющею листвою; тамъ и сямъ виднѣются поля клевера, пшеницы и другихъ хлѣбовъ, засѣяныя

отдѣльными квадратиками, вѣроятно, сообразно хозяйству каждаго владѣльца курганча; все это пересѣкается по всѣмъ направленіямъ арнаками, или канавами, наполненными водою; у каждаго дома, кромѣ того, имѣются колоды съ хорошей водою. Прямая, не очень широкая дорога, какъ бы пересѣкающая весь паркъ пополамъ, тянется къ Хазарь-аспу и далѣе въ Хиву; отъ нея въ стороны отдѣляются нескончаемое число боковыхъ дорожекъ, тянушихся къ каждому курганчу. Всѣ эти дороги пересѣкаются тоже канавами, черезъ которыя устроены мостики.

Не зная опредѣлительно разстоянія до Хазарь-аспа, мы шли въ совершенной неизвѣстности часа три; только впоследствии, благодаря сѣмкѣ, постоянно производившейся во время марша и даже во время дѣла, мы узнали, что онъ отстоитъ отъ берега Аму на 14 верстъ. Мѣстность вообще, и въ особенности высокія деревья препятствовали ориентированію, такъ что мы почти наткнулись на выросшія передъ нашими глазами, высокія крѣпостныя стѣны съ башнями. Генералъ Головачевъ остановилъ авангардъ, подтянувъ войска, и, усматривая на стѣнахъ народъ, съ минуты на минуту ожидалъ выстрѣла. Но замѣтивъ мирное настроеніе жителей, генералъ Головачевъ двинулъ войска къ воротамъ, вошелъ въ крѣпость, занялъ ее, взялъ семь орудій, въ ней находившихся (три изъ нихъ похожи на картечницы), и послалъ поздравить командующаго войсками съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла.

Въ азіятскихъ городахъ крѣпость и городъ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Хазарь-аспъ — большая крѣпость съ высокими стѣнами, окруженная со всѣхъ сторонъ озеромъ и примыкающая къ садамъ, составляющимъ отличительную черту этой мѣстности. Крѣпость выстроена, какъ и всѣ здѣшнія постройки, изъ глины, но, не смотря на высоту и прочность стѣнъ, была оставлена хивинскими войсками сегодня утромъ, до прихода нашихъ войскъ. Командующій войсками и вся главная квартира въѣхали въ городъ и расположились въ цитадели; войска стали кругомъ крѣпости. Жители Хазарь аспа и торгующій народъ тотчасъ явились съ изъявленіемъ покорности къ командующему войсками, который приказалъ имъ объявить, чтобы они оставались на своихъ мѣстахъ, въ лавкахъ и на базарѣ, и что никому не будетъ сдѣлано никакого вреда. Часа два спустя, массы жителей обоего пола стали стекаться въ городъ, и не только городскіе жители, но и деревенскіе обитатели вышляковъ, которые при нашемъ прохожденіи были совершенно пусты.

Командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе оставить въ Ха-

зарь-аспѣ три роты и два горныхъ орудія. Прибывшій къ отряду и выздоровѣвшій отъ полученныхъ ранъ, полковникъ Ивановъ, назначенъ завѣдующимъ населеніемъ; а подполковникъ Принцъ комендантомъ крѣпости. Послѣднему приказано было точась же собрать надлежащія свѣдѣнія и привести въ известность все находящееся въ крѣпости и городѣ. Тѣмъ временемъ войска, поджидая транспорта съ Аму-дарьи, оставались на отдыхѣ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ Хазарь-аспѣ найдено значительное количество пороха, снапца и семь орудій, о которыхъ сказано выше, нѣсколько десятковъ палатокъ, значительные запасы риса, ячменя и джугары и, наконецъ, четырехмѣстная карета, стараго фазона, на высокихъ ресорахъ.

Когда все въ городѣ и крѣпости было приведено въ известность, командующій войсками, начальникъ отряда, главная квартира и всѣ войска, кромѣ тѣхъ, которые были оставлены въ Хазарь-аспѣ, подъ начальствомъ коменданта, отошли назадъ и, расположившись на полонитѣ пути до Аму, на весьма удобномъ бивакѣ, стали выжидать прибытія транспорта съ оставленными вѣщами, который и прибылъ въ восьмомъ часу.

Въ этотъ день, ни въ кышлагахъ (деревня), ни въ курганчахъ (домъ), не видно было ни одного жителя. Старшіе начальники и многие офицеры расположились въ курганчахъ или около нихъ. Мы съ барономъ Каульбарсомъ приказали поставить нашу палатку подлѣ одного изъ арыковъ, подъ густою тѣнью большаго дерева, вполне защищавшаго насъ отъ солнечныхъ лучей.

Кратковременная стоянка наша въ садахъ оживляла духъ и радовала сердце, наполняя его воспоминаніями о далекой родинѣ... Прелестная природа, благотворный воздухъ, веселое щебетанье давно неслышанныхъ птицекъ, громкій свистъ соловья, все окружало насъ живою, какъ бы въ награду за тяжелое странствіе по мертвой пустынѣ.

Впрочемъ, печальная вѣсть омрачала этотъ день. Неожиданно распелось извѣстіе, что командиръ 2-го стрѣльцоваго баталіона полковникъ Веймарнъ былъ занесенъ лошадыю, которая, при паденіи, ударила съ нимъ объ уголъ каменнаго забора и переломила ему всѣ ребра. Въ страшныхъ страданіяхъ перенесенъ былъ Веймарнъ въ лагерь и безъ малѣйшей надежды на спасеніе жизни.

24-го мая. Сады подъ Хазарь-аспѣмъ. Полковникъ Веймарнъ скончался послѣ тяжкихъ страданій.

Веймарнъ былъ очень хорошій человѣкъ и отличный офицеръ,

держалъ въ необыкновенномъ порядкѣ свой баталіонъ, считающийся здѣсь однимъ изъ лучшихъ. Веймарнъ, однако, какъ говорится, не велю: онъ участвовалъ въ самаркандской экспедиціи, но въ дѣло понасть не успѣлъ; въ настоящемъ походѣ онъ всею душою желалъ находиться въ числѣ авангардныхъ войскъ, но обстоятельства такъ сложились, что, находившись временно въ арьергардѣ, онъ вынужденъ былъ оставаться на Халь-ата, въ то время, когда намъ предстояли дѣла. Когда мы перешли Аму, онъ насъ догналъ, превосходя привелъ въренную ему часть, съ порученнымъ ему транспортомъ провіанта, и попалъ, наконецъ, въ авангардъ генерала Головачева; но въ это время дѣла не было. По возвращеніи на настоящую позицію, какъ старый и заботливый офицеръ (онъ прослужилъ тридцать пять лѣтъ), онъ лично хотѣлъ озаботиться скорѣйшею перевозкою имущества нижнихъ чиновъ своей части, не отдыхая, перемѣнилъ лошадь и встрѣтилъ злую смерть. Завтра мы отдадимъ послѣдній долгъ павшему товарищу.

Послѣ полудня, первоначально по одному, потомъ цѣлою ручею, начали хивинцы сходиться къ нашему лагерю; оказалось, что это хозяева тѣхъ курганчей, которые, при занятіи нами позиціи, вошли въ районъ лагеря. Командующій войсками первый, а за нимъ всѣ офицеры, которые размѣстились въ курганчахъ, уступили хивинцамъ ихъ дома и, въ настоящую минуту, они живутъ среди насъ.

25-го и 26-го мая. Тамъ же. Весь этотъ день прошелъ въ передвиженіи войскъ, оставшихся за Аму, и въ приготовленіи къ дальнѣйшему походу на Хиву. Начальникъ населенія въ Хазарь-аспѣ, полковникъ Ивановъ, сдѣлалъ распоряженіе о наймѣ трехсотъ арбъ съ лошадыми и проводниками, которые и прислалъ на позицію. Арбяной обозъ значительно усиливъ наши перевозочныя средства, состоявшія изъ однихъ верблюдовъ, такъ что, при дальнѣйшемъ движеніи, мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка.

27-е мая. Сады, въ пятнадцати верстахъ отъ прежней стоянки. Въ четыре часа утра мы выступили съ позиціи и слѣдовали прямымъ путемъ по направленію къ Хивѣ. Дорога была пересѣкаема множествомъ арыковъ, на которыхъ вездѣ находились мосты. Если бы хивинцы вздумали не только сломать, но просто испортить эти мосты, то надѣлами бы намъ много хлопотъ и надолго бы отсрочили наше вступленіе въ Хиву.

Придя сегодня вторично въ Хазарь-аспѣ, потому что мы его не могли, и при томъ должны были захватить съ собою остав-

ления въ пемъ роты и артилерію, мы остановились на привалѣ. Найденный въ Хазаръ-аспѣ порохъ былъ потопленъ, неприятельскія орудія ихъ мы захватили съ отрядомъ, а картечницы, или лучше сказать, подобіе ихъ, были уничтожены. Въ Хазаръ-аспѣ мы получили, наконецъ, положительныя свѣдѣнія, что до Хивы остается еще шестьдесятъ верстъ. Тутъ же вторично явился къ командующему войсками, тотъ самый старикъ хивинецъ, который за переходъ, или за два до занятія нами Хазаръ-аспа, прѣѣзжалъ отъ хана, съ тѣмъ, чтобы немножко запугать насъ; такъ, онъ утверждалъ, что въ Хазаръ-аспѣ находятся ханскія войска и орудія, и что диванъ-беги строго приказано, ни въ какомъ случаѣ, не оставлять крѣпости, а защищать ее до послѣдней крайности. Оказалось, что это не болѣе, какъ выдумка. Теперь онъ привезъ отъ хана письмо, въ которомъ послѣдній пишетъ, что онъ крайне удивленъ слухами о дальнѣйшемъ движеніи русскихъ на Хиву, потому что онъ сдѣлалъ, кажется, для нихъ все, что только могъ, даже прислалъ въ Казалинскъ плѣнныхъ, которые у него содержались; письмо заканчивалось просьбой приостановить движеніе и обѣщаніемъ окончательно укрѣпить дружескія съ нами сношенія. На это письмо, командующій войсками приказалъ словесно передать посланному, что онъ съ ханомъ переговоритъ объ этомъ завтра, въ Хивѣ. Послѣ того, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ сирочилъ посланнаго о другомъ нашемъ отрядѣ (Оренбургскомъ), и извѣстно ли хивинцамъ, гдѣ онъ находится. Посланный отвѣчалъ, что мѣсто нахожденія отряда извѣстно, что къ его начальнику былъ также отправленъ посланецъ, котораго направили къ генералу фонъ-Кауфману.

При дальнѣйшемъ свѣдованіи изъ Хазаръ-аспа, многіе жители кышлаковъ останавливали командующаго войсками, подносили ему хлѣбъ-соль и, изъявляя свою покорность, просили покровительства. Въ этотъ день мы сдѣлали переходъ въ пятнадцатъ верстъ и стали на ночлегъ. Только сорокъ пять верстъ до Хивы...

28-е мая. Сады по дорогѣ къ Хивѣ. Въ четыре часа утра отрядъ бодро поднялся съ ночлега и, въ надеждѣ скоро достигнуть давно ожидаемой Хивы, легко сдѣлалъ тяжелый 30-верстный переходъ, при сильной жарѣ и страшной пыли. На половинѣ пути былъ данъ четырехчасовой привалъ; къ почлегу мы прибыли въ пять часовъ по полудни.

Не успѣли мы расположиться на нашей позиціи, всего въ 16 верстахъ отъ Хивы, дѣли нашихъ надеждъ и желаній, какъ было получено извѣстіе, что хивинцы не желаютъ драться и сдаютъ Хиву.

Увы! исчезли надежды на штурмъ и взятіе Хивы съ боя, что немало сокрушило всѣхъ. Войска искали боя, забывая кровавыя потери, безъ которыхъ не обошлось бы....

Прежній посланецъ-хивинецъ привезъ письмо отъ хана, въ которомъ послѣдній уже не хитрилъ болѣе, и просилъ прямо проливать напрасно крови, соглашался на всѣ условія, которыя ему будутъ предложены, и безъ боя сдавалъ намъ Хиву.

Командующій войсками письменно сообщилъ хану, что завтра онъ выступатъ къ Хивѣ, приглашалъ его выѣхать къ нему на встрѣчу для переговоровъ и дозволилъ ему взять съ собою свиту не болѣе 100 человекъ.

Старикъ-хивинецъ, принимая письмо, спѣшилъ сообщить командующему войсками свое безпокойство относительно Оренбургскаго отряда, который, какъ ему извѣстно, атакуетъ городъ, что хивинцы несутъ потери и двое ихъ батырей убиты. Тогда генералъ Кауфманъ тутъ же написалъ начальнику Оренбургскаго отряда о присланномъ къ нему письмѣ хана, о предлагаемой сдачѣ Хивы, и приказывалъ прекратить военныя дѣйствія противъ города. Это письмо, средственное старикъ-хивинцу, было тотчасъ же отправлено съ однимъ изъ хивинскихъ джигитовъ въ Оренбургскій отрядъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда посланца получено было донесеніе отъ генерала Веревкина о дѣлѣ 28-го мая, въ которомъ потеря наша состояла изъ 40 человекъ нижнихъ чиновъ (4 убиты, остальные ранены); кромѣ того, ранены два штабъ-офицера, шесть оберъ-офицеровъ и самъ начальникъ отряда. Въ этомъ же донесеніи было упомянуто, что у самыхъ стѣнъ города ротами Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ захвачены два неприятельскія орудія.

Какъ только разнеслись слухи о полученномъ изъ оренбургскаго отряда донесеніи, у насъ пошли толки и догадки, съ цѣлью разъяснить себѣ смыслъ совершившихся событій; зная, съ одной стороны, что ханъ проситъ лошадей, а съ другой, получивъ извѣстіе, что подъ стѣнами Хивы было серьезное дѣло, многіе недоумѣвали и не могли разрѣшить этого противорѣчія, удовольствовавшись въ заключеніе поговоркою: «утро вечера мудренѣе».

29-е мая. Во дворѣ хана и на бивакѣ подъ стѣнами Хивы. Съ особеннымъ чувствомъ нетерпѣливости и любопытства труппы мы, 29-го мая въ пять часовъ утра, къ Хивѣ, интересуясь увидѣть хивинскаго владыку и завѣтный городъ, дѣль экспедиціи, которая намъ стоила такихъ трудовъ и лишений....

Пройдя, приблизительно, около половины пути, мы замѣтили впереди,
Т. LXIII. Отд. 1.

по дорогѣ, пылъ и потомъ неясны очертанія цѣлой толпы всадниковъ, съ офицеромъ впереди. То былъ состоящій при начальникѣ отряда, генералъ Головачевъ, поручикъ Бечуриинъ, за которымъ двигалась цѣлая кавалькада хивинцевъ, на великолѣпныхъ жеребцахъ, убранныхъ богатою сбруею, съ щегольскими азиатскими сѣдлами и чепранными.

Командующій войсками остановился въ ожиданіи ихъ приближенія. Въ первую минуту мы были увѣрены, что это самъ хивинскій ханъ, но вскорѣ разочаровались, потому что оказалось, что это были дядя и братъ хана, со свитою; послѣдній—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати.

На вопросъ командующаго войсками: гдѣ же ханъ? ему отвѣчали, что ханъ сегодня, рано утромъ, выѣхалъ изъ Хивы и что, по всей вѣроятности, онъ бѣжалъ... Командующій войсками повернулъ лошадей, отъѣхалъ нѣсколько шаговъ въ сторону и расположился на походномъ стулѣ, подѣ тѣнью большого карагача. Приѣхавшіе хивинцы посадовали за нимъ и, сойдя съ лошадей, въ живописной группѣ расѣлись противъ него, поджавъ ноги по азиатскому обычаю. Свита генерала Кауфмана, слѣпившись, окружила своего начальника; мнѣ пришлось стоять подѣ начальника полевого штаба, недалеко отъ командующаго войсками и вблизи сидѣвшаго брата хана.

Разговоръ начался съ разъясненія страннаго поступка хана. Дядя хана говорилъ, что ханъ, не дажѣ какъ еще вчера, былъ на сторонѣ партіи мира, но что, по всей вѣроятности, партія воинственныхъ юмудовъ успѣла его увлечь съ собою. Все это говорилось такимъ тономъ и въ томъ смыслѣ, что поступокъ хана для нихъ самихъ оскорбителенъ, что это сдѣлано вопреки желанію народа и что, послѣ такого поступка, они не желали бы болѣе имѣть его своимъ ханомъ. Эти послѣдніе слова были подтверждены одновременно почти всей сидящей толпою хивинцевъ.

Тогда командующій войсками обратился къ молодому человѣку, брату хана, и спросилъ его, не знаетъ ли онъ настоящей причины бѣгства хана. Братъ хана отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно, потому что онъ самъ послѣднее время содержался подѣ карауломъ, и что только послѣ бѣгства хана освобожденъ народомъ.

Командующій войсками приказалъ передать дядѣ хана, чтобы онъ тотчасъ написалъ своему племяннику, что начальникъ русскихъ войскъ весьма огорченъ его бѣгствомъ, приписываетъ это совѣтамъ неблагонамѣренныхъ людей и приглашаетъ его немедленно возвра-

титься; въ противномъ случаѣ, вмѣсто него будетъ назначенъ ханомъ другой.

На этомъ кончилась аудіенція, и, въ то же время, подѣхалъ отѣтый въ полную парадную форму, полковникъ Глуховской, состоящій при оренбургскомъ отрядѣ. Отрапортовавъ о благополучномъ состояніи оренбургскаго отряда, полковникъ доложилъ, что отрядъ выстроенъ неподалеку и ожидаетъ прибытія его превосходительства.

Командующій войсками, начальникъ отряда генералъ Головачевъ, вся главная квартира, конвой и присланные изъ города хивинцы поѣхали къ оренбургскому отряду. Проѣхавъ версты три, мы усмотрѣли выстроенную пѣхоту, артиллерию и кавалерию оренбургскаго отряда; въ числѣ послѣдней была сотня суженскихъ казаковъ и сотня мусульманъ.

Раздалось повелительное «на караулъ», и полный хоръ музыки Апшеронскаго полка заигралъ встрѣчу. Начальникъ оренбургскаго отряда, генералъ Веревикинъ, вслѣдствіе полученной имъ накануне раны, не могъ представить соединенныхъ Оренбургскаго и Мангышлакскаго отрядовъ, почему мѣсто его заступилъ полковникъ Саранчевъ, который и рапортовалъ командующему войсками о состояніи войскъ.

Всѣ, начиная съ начальства, офицеры и нижніе чины, щеголевато одѣтые въ мундиры, были въ полной парадной формѣ; даже прусскій гусарскій поручикъ былъ въ парадной гусарской формѣ.

Въ глубинѣ средней Азій, близъ хивинскихъ стѣнъ, на красивой полянѣ, среди природою посаженныхъ садовъ, встрѣтить соотечественниковъ и братьевъ по оружію—это такое ощущеніе, которое не подѣ силу моему слабому перу...

Мы, только что выравніеся съ Адамъ-крылгана и съ другихъ «кудуювъ», должны были представлять большой контрастъ съ щеголями-оренбургцами. Начиная съ начальческаго кителя и до послѣдней гимнастической рубашки солдата, все было прожжено сорокаградусной жарой, засыпано пескомъ и пылью.

На привѣтствіе командующаго войсками: «здорово, молодцы!» послѣдовало единодушное громкое «ура» этихъ, дѣйствительно, молодецкихъ войскъ. Засимъ, генералъ Кауфманъ, махнувъ музыкантамъ, благодарилъ каждую часть войскъ особо за молодецкую и честную службу своему Государю. Послѣ осмотра, командующій войсками пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ и усердно благодарилъ ихъ за службу.

Во время продолжительнаго отдыха, который данъ былъ вой-

скамь, офицеры Оренбургскаго отряда успѣли переодѣться въ нитяныя, какъ и мы, и перемѣшались съ нашими. Нашлось много знакомыхъ, пошли толки, рассказы, задушевныя встрѣчи. Лагерь представлялъ весьма оживленную картину; офицеры и солдаты, разбрѣдся, въ тѣни громадныхъ деревьевъ, пили чай и закусывали. Командующій войсками, Ихъ Высочества и главная квартира разбѣстились особою группою. Хивинцы прѣѣзжали и уѣзжали, сновали тамъ и сямъ, подходили къ командиру войсками и къ другимъ начальникамъ и, вазалось, вели оживленные переговоры. Я видѣлъ, какъ подвели командиру войсками подаренную ему лошадь подъ богатымъ чепракомъ.

Наконецъ, прѣѣхавшій изъ Хивы диванъ-беги, тотъ самый, котораго дѣйствовалъ противъ насъ на Учъ-чучакъ и при переправѣ чрезъ Аму, подошелъ къ командиру войсками и, вслѣдъ загѣмъ, ускакалъ опять въ городъ. Ему приказано было снять все пушки съ хивинскихъ стѣнъ и приготовить все для вступленія нашихъ войскъ.

Скорѣ, отрядъ, имѣя въ головѣ саперовъ, направился къ городу.

Вотъ, наконецъ, изъ облаковъ пыли показались стѣны Хивы, ея башни и ворота. Общее впечатлѣнiе, произведенное городомъ, было весьма оригинально. Высоты башни, минареты мечетей, медресе и проч., поражая непривычный глазъ своею необычною постройкою, казались весьма красивыми. На улицахъ и перекресткахъ стояли наши молодецкія войска, счастливыя сознаниемъ исполненнаго долга и достигнутой цѣли. Музыка играла встрѣчу и громкое, единодушное «ура» потрясало высокія стѣны чужеземнаго города...

Вниманіе мое было обращено на массу хивинскаго народа, тѣснившагося на улицахъ города. Лица ихъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнiя не сдѣлали и ничего особеннаго не выражали. Толпы хивинцевъ въ высокіхъ бараньихъ шапкахъ, съ загорѣлыми бронзовыми лицами въ халатахъ, и съ какою-то тупою апатіею на лицѣ, окружали войска и видѣлись на перекресткахъ. Длинные, узкія, немощныя улицы, покрытыя пылью, обѣщаютъ глубокую грязь въ дождливое время. Дома хивинцевъ по азіатскому обычаю, и по русской поговоркѣ, построены «шиворотъ», на выоротъ», — окнами во внутрь, а то и совсѣмъ безъ оконъ. Одни только мечети и медресе (народныя училища) имѣютъ видъ зданій, построенныхъ на азіатскій манеръ, но не безъ вкуса.

Двигаясь по направленію къ цитадели, мы вступили на довольно

просторную квадратную площадь, на которую выходили: ханскій дворець, мечеть и лавки. На площади была расположена наша пѣхота съ дивизиономъ конной артиллеріи; остальное пространство занимали толпы народа. При появленіи командующаго войсками, вновь раздалось громкое «ура» и хивинцы сняли свои высокія шапки. Командующій войсками привѣтствовалъ и поздравлялъ войска, и обратился съ краткою и успокоивающею рѣчью къ народу. Вслѣдъ загѣмъ, все лица главной квартиры, съ командующимъ войсками во главѣ, вѣзхали черезъ ворота, на небольшой передней дворъ, сошли съ лошадей и, чрезъ узкіе сводчатые коридоры, вышли на другой, болѣе обширный дворъ, обнесенный двумя рядами стѣнъ, изъ которыхъ наружныя были весьма высокія и имѣли по угламъ башни. Осмотрѣвъ дворъ, и поднявшись на нѣсколько ступеней, мы вошли на прекрасную терасу, подпертую красивыми колонами. На этой терасѣ мы замѣтили нѣсколько запертыхъ дверей, ведущихъ въ покои хана и его семейства. Командующій войсками, предупрежденный, что семейство хана находится во дворцѣ, не вошелъ ни въ одинъ изъ покоевъ, но перешелъ на терасу, гдѣ, на рассланныхъ коврахъ, расположились лица главной квартиры, а также сопровождавшіе насъ почетные хивинцы.

Обширная тераса и дворы ханскаго дворца вдругъ чрезвычайно оживились; по приказанію командующаго войсками, явилась музыка; группы офицеровъ, любознательству посмотрѣть на резиденцію хивинскаго владыки, появились на дворахъ. Между тѣмъ, командующій войсками велъ переговоры съ хивинцами, съ цѣлю уяснить себѣ положеніе дѣлъ въ ханствѣ, вслушиваясь доносенія начальника отряда генерала Головачева, успѣшнато собравъ необходимыхъ свѣдѣнiя, и разсматривая приносимое ему оружіе и другіе предметы, найденныя во дворцѣ.

При входѣ во дворець поставленъ былъ караулъ изъ взвода саперовъ, а на самую высокую изъ угловыхъ башенъ временно поставленъ часовой, который былъ видѣнъ всѣмъ городомъ и, въ свою очередь, могъ видѣть все пространство, окружающее Хиву, болѣе чѣмъ на десять верстъ.

Часу въ пятомъ пополудни, командующій войсками сошелъ съ терасы, приказавъ главной квартирѣ возвратиться въ лагерь, а самъ, съ начальникомъ штаба и адъютантами, отправился навѣстить раннаго генерала Вережкина.

Генералъ Головачевъ занялъ частію войскъ дворець, и, кромѣ того, разставилъ караулы въ разныхъ частяхъ города; остальные

войска были отведены версты на полторы отъ города и стали лагерь въ великолѣпномъ паркѣ, окружающемъ Хиву.

Часовъ въ семь вечера, я былъ въ своей палаткѣ, поставленной подъ тѣнью великолѣпнаго дерева, заключилъ свой дневникъ, и повторился отправить его въ Петербургъ съ отвѣзжающимъ курьеромъ.

Мнѣ хотѣлось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, не попоная, даже не исправляя своей рукописи, передать тѣ событія, которыхъ я былъ случайнымъ свидѣтелемъ, и которымъ суждено занять почетную страницу въ исторіи русскихъ войскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хивинскій походъ будетъ описанъ перомъ болѣе опытнымъ, обставленъ необходимыми данными и подробностями мнѣ неизвѣстными, тѣмъ не менѣе, я полагаю, что простое и безхитрое описание изо дня въ день того, что я испыталъ самъ, или что могъ замѣтить въ тѣсной рамкѣ своей дѣятельности, будетъ не бесполезно, какъ показаніе очевидца и показаніе вполне правдивое.

Наконецъ, я не могъ удержаться, чтобы не огласить въ печати тѣхъ невообразимыхъ тягостей и лишеній, которыя въ теченіе этого безпримѣрнаго похода вынесъ на своихъ плечахъ нашъ солдатъ. Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо; вотъ мои оправданія передъ строгимъ судомъ критики.

Полковникъ Колокольцовъ.

29-го мая 1873 года
Лагерь подъ стѣнами Хивы.

ТУРКЕСТАНСКІЕ ПОХОДЫ.

(Наброски отъпняка). (*)

IV.

ВЪ БОЮ.

Вотъ уже другой день, какъ поговариваютъ тихою о томъ, что, пожалуй, и въ походъ двинуть. Но слухи неопредѣленны, сбивчивы. Всѣ еще ничего не знаютъ, но, что называется, въ воздухѣ пахнетъ порохомъ.

Между солдатами замѣтно особенное нетерпѣливое движеніе. Разговоры слишкомъ часты и ведутся иногда очень ужъ опредѣленно, хотя перѣдко свѣдѣнія являются Богъ знаетъ откуда.

— Изъ нашего баталіона, сказываютъ, три роты пойдутъ, объясятъ одинъ солдатъ другимъ, сидящимъ на остаткахъ разрушеннаго глинянаго забора, да три роты изъ пятаго.

— Стало быть, стрѣлковая рота поидетъ, девятая, да наша.

— Нашъ ужъ не пропуститъ, непременно поидетъ, ободрятъ себя солдатки.

— Ничего еще этого неизвѣстно, замѣчаетъ унтеръ, раскуривая трубку: давеча господа офицеры разговоръ вели, такъ нѣтъ еще приказанья, что даже можетъ похода вовсе не будетъ.

— Конечно, что который можетъ такъ зря сбрухнулъ, а тутъ и подхватили: походе, да походе.

— На кого-жъ теперь идти? спрашиваетъ мало знакомый съ политикой солдатикъ: развѣ ханъ опять сбунтовался?

— На самозванца пойдутъ, рѣшительно отвѣчаетъ одинъ изъ политиковъ: ханъ теперь мирный, а самозванецъ все бунтуетъ, такъ его усмирять и пойдутъ.

(*) См. «Военный Сборникъ» 1873 г. №№ 3, 4, 5 и 7.